

MGIMO-University of the MFA of Russia
Institute for International Studies

Centre for Post-Soviet Studies

**EURASIAN INTEGRATION:
PROSPECTS
FOR INTERSTATE
COOPERATION**

*Edited by Stanislav Chernyavsky, Ksenia Borishpolets,
Elnur Mekhdiev, Yulia Nikitina*

Moscow
MGIMO-University
2014

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Центр постсоветских исследований

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

*Под редакцией С.И. Чернявского, К.П. Боршшопец,
М.Т. Мехдиева, Ю.А. Никитиной*

Москва
МГИМО-Университет
2014

УДК 327
ББК 66.4
Е 22

Серия «Книги и брошюры ИМИ». Том 28
(Является приложением к периодическому изданию
«Ежегодник ИМИ»)

Редакционный совет серии:

И.М. Бусыгина, В.В. Дегоев, А.А. Казанцев, А.В. Лукин, А.И. Никитин, Л.С. Окунева, А.А. Орлов (научный редактор), А.И. Подберёзкин, В.В. Попов, В.М. Сергеев, А.В. Федорченко, А.Н. Чеканский, С.И. Чернявский, А.Л. Чечевшиников

Редакторы выпуска: *К.П. Боришполец, Э.Т. Мехдиев*

Редактор серии *В.И. Шанкина*
Технический секретарь серии *Е.П. Конюхова*

Е 22 **Евразийская интеграция: перспективы межгосударственного сотрудничества** / Под ред. С.И. Чернявского, К.П. Боришполец, Э.Т. Мехдиева, Ю.А. Никитиной; Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2014. 107 с. – (Книги и брошюры ИМИ).

ISBN 978-5-9228-1177-4

В сборнике анализируются международные процессы на евразийском пространстве. Внимание авторов акцентировано на политических, экономических и иных проблемах, связанных с перспективами евразийской интеграции.

Издание адресовано специалистам-международникам и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней политики.

This collection covers the international processes in the Eurasian space, focuses on the political, economic and other aspects related to the prospects of Eurasian integration.

The publication is addressed to specialists in international relations and a broad range of readers interested in foreign policy.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1177-4

© МГИМО (У) МИД России, 2014

Содержание

Предисловие	6
К.П. Боришполец, Э.Т. Мехдиев. Евразийский тренд регионального сотрудничества	8
Ли Син, Ван Чэньсин. Энергетическое взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в контексте евразийской интеграции.....	20
Руслан Изимов. Эволюция центральноазиатской политики Китая	38
Даурен Абен. Казахстанско-российские отношения в контексте евразийской интеграции.....	47
А.А. Свириденко, Ф.С. Файззулин. Подходы к исследованию евразийства в отечественной науке	57
Ли Син, Ван Чэньсин. Евразийский союз в китайской научной литературе.....	71
К.Ю. Сафронов. Евразийский молодёжный парламент – актер публичной дипломатии государств Евразии	87
Д.Г. Михайличенко. Постмайданный контекст восприятия российских интеграционных инициатив в Центральной Азии.....	96
Об авторах	105

Contents

Editorial preface	6
Ksenia Borishpolets, Elnur Mekhdiev. Eurasian trend of regional cooperation	8
Li Xing, Wang Chenxing. Energy cooperation between China and Central Asia in the context of Eurasian integration	20
Ruslan Izimov. Evolution of China's Central Asian policy	38
Dayren Aben. Kazakhstan-Russia relations in the context of Eurasian integration	47
Andrey Sviridenko, Fanil Fayzullin. Approaches to the study of Eurasianism in Russian science	57
Li Xing, Wang Chenxing. Eurasian Union in the Chinese academic literature	71
Konstantin Safronov. Eurasian Youth Parliament – the actor of Eurasian states public diplomacy	87
Dmitri Mikhailichenko. Postmaydan context of the perception of Russian integration initiatives in Central Asia	96
About the authors	105

Предисловие

Интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, оказывают стабилизирующее воздействие на ситуацию в этом макрорегионе. Самыми важными событиями уходящего 2014 года на данном направлении были подписание соглашения о создании Евразийского экономического союза и вступление в него новых участников – Армении и Киргизии. И хотя формальное вступление Киргизии в ЕАЭС состоится только в 2015 году, власти республики выразили твердое намерение присоединиться к интеграционным процессам и выполнить дорожную карту до конца 2014 года.

К России сейчас приковано внимание всего мирового сообщества, что связано с изменениями на мировом энергетическом рынке и обострением ситуации вокруг транспортировки российских энергоресурсов. Даже ведущие эксперты затрудняются предсказать, каким в обозримой перспективе сложится новый мировой порядок.

Этот сборник статей – очередной вклад Института международных исследований (ИМИ) МГИМО в осмысление проблем и перспектив евразийской интеграции. Его авторы представляют ведущие аналитические центры России, Казахстана и Китая.

Коллектив авторов благодарит за содействие и поддержку директора Центра постсоветских исследований

(ЦПИ) ИМИ МГИМО д.и.н. С.И. Чернявского, ведущего научного сотрудника ЦПИ к.полит.н. К.П. Боришполец, заместителя директора ИМИ к.и.н. А.Л. Чечевишникова, заместителя директора Центра военно-политических исследований МГИМО О.Е. Родионова, ведущего эксперта Центра военно-политических исследований МГИМО Д.О. Салюкова.

К.П. Боришполец, Э.Т. Мехдиев

Евразийский тренд регионального сотрудничества

Аннотация. В последние годы мы все чаще становимся свидетелями становления на мировой арене и влияющего на международные отношения такого феномена, как евразийская интеграция. В данной работе авторы рассматривают вопросы расширения и углубления процессов евразийской интеграции на постсоветском пространстве в формирующемся новом миропорядке. Особое внимание уделено странам – локомотивам интеграции – России, Казахстану и Белоруссии, а также странам – кандидатам на вступление в Евразийский экономический союз: Армении и Киргизии.

Ключевые слова: региональная интеграция, евразийская интеграция, Таможенный союз, Евразийский экономический союз, экономическая интеграция.

В течение последних десятилетий региональный уровень формирует важнейшие контуры взаимодействия в мировой политике, а процессы интеграционного сближения хозяйственных систем соседних государств стали рассматриваться в качестве неперемennого условия их успешного развития. Сегодня термин «интеграция» прочно вошел в международный лексикон. Однако, анализируя современные тенденции, мы вряд ли можем однозначно указать идеальный формат решения интеграционных задач. Реалии региональной и локальной практики существенно расширили спектр интеграционных моделей и соответствующих им трендов много-

стороннего экономического сотрудничества. Значительный интерес в этом плане представляет ход интеграционных процессов на постсоветском пространстве, потенциал которого со всей очевидностью укрепляется, но при этом остается предметом научно-практических дискуссий.

**Углубление экономической интеграции России,
Белоруссии и Казахстана
как основа евразийского тренда**

Консолидация многостороннего экономического взаимодействия трех ведущих хозяйственных систем на пространстве СНГ, становление нового, евразийского, качества интеграционных процессов началось в 2009 году, когда России, Белоруссии и Казахстану удалось принять и ратифицировать около 40 международных договоров, составивших основу Таможенного союза (ТС). В частности, 28 ноября 2009 года было подписано соглашение о создании на территории России, Белоруссии и Казахстана с 1 января 2010 года единого таможенного пространства. А в декабре 2010 года, на саммите ЕврАзЭС в Москве, были достигнуты договоренности о создании уже Евразийского союза на базе Единого экономического пространства стран – членов ТС.

Создание Евразийского экономического союза включает в себя пять этапов:

- этап создания зоны свободной торговли (ЗСТ), предполагающий беспошлинную торговлю между государствами-участниками, но при этом их самостоятельную торговую политику в отношении третьих стран;
- этап создания Таможенного союза (ТС), предполагающий образование единой таможенной территории с беспрепятственным перемещением товаров внутри неё и выработкой уже общей таможенной и внешнеторговой политики;
- этап создания единого рынка (экономического пространства) (ЕЭП), предполагающий свободу движения не только товаров, но и услуг, капитала и рабочей силы внутри ЕЭП;

– этап создания экономического союза, в рамках которого государства-члены координируют экономическую политику друг с другом;

– полномасштабная экономическая интеграция, в рамках которой наднациональный орган определяет денежную, налоговую, торговую и социальную политику для всех государств-членов.

8 ноября 2011 года президенты России, Белоруссии и Казахстана подписали Декларацию о создании Евразийского союза. Уже с 1 января 2012 года между ними действует Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Подписание договора о создании ЕАЭС состоялось 29 мая 2014 г. в Астане на заседании Высшего Евразийского экономического совета при участии лидеров России, Белоруссии и Казахстана. Это событие открыло качественно новый этап в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Экономический союз обещает стать крупнейшим общим рынком на территории СНГ, который будет способствовать общему экономическому развитию. Предполагается, что в рамках ЕАЭС между тремя странами будет установлено свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. На встрече 29 мая также обсуждались вопросы присоединения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству других стран-участниц. Одной из них может стать Армения, кроме того, ожидается, что в ЕАЭС вступит и Киргизия. Можно сказать, что объективные условия для углубления экономического сотрудничества трех стран сложились давно, техническая работа проведена с учетом интересов всех партнеров. У «политической элиты» стран-участниц евразийской интеграции появилось желание и воля к углублению и расширению экономической интеграции в рамках ТС и ЕЭП.

Как отмечал Владимир Путин на заседании Высшего Евразийского экономического совета 5 марта 2014 года, евразийские интеграционные процессы уже приносят кон-

кретные результаты и отдачу. Он привел данные, согласно которым, несмотря на общее замедление темпов роста мировой экономики, в 2013 году товарооборот в рамках «тройки» не только не снизился, но и немного возрос, составив 66,2 млрд долл. При этом улучшается структура взаимной торговли, сокращается доля сырьевых ресурсов в экспортно-импортных операциях. Приоритетным направлением интеграционного взаимодействия также стал учет интересов бизнес-сообщества¹.

Согласно исследованиям мировых экономических центров, Евразийский экономический союз к 2030 году может выйти на 5% мирового ВВП. За последние три года товарооборот внутри Таможенного союза вырос практически на 50% – на 23 миллиарда долларов (по итогам 2013 года составил 66,2 млрд долл.). Вместе Белоруссия и Казахстан вышли на третье место во внешнеторговом балансе Российской Федерации (после ЕС и Китая). Для сравнения, оборот с ЕС – 440 млрд долл., с Китаем – 87. Несмотря на это, Белоруссия и Казахстан по объёму экономики всё-таки значительно меньше двух лидеров мировой экономики, а занимают третье место в торговле с Россией².

До начала функционирования ЕАЭС остается совсем немного времени, и еще предстоит провести огромную работу по согласованию различного рода разногласий в ходе подготовки учредительного договора ЕАЭС. В частности, спорные моменты были связаны с поддержкой сельского хозяйства, рынком грузоперевозок, автопромом, беспошлинной торговлей энергоносителями и доступом к транзитным трубопроводам.

Несмотря на существующие разногласия по основным проблемам, в итоге был найден компромисс, острые воп-

¹ Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. 2014. 5 апреля. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=2830>

² Заявления для прессы по итогам заседания Высшего Евразийского экономического совета. 2014. 29 мая. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/45790>

росы удалось решить. Стороны также пришли к решению, что по ключевым направлениям интеграция вглубь будет осуществляться поэтапно, без форсирования событий.

Таким образом, с 2015 года уровень евразийской интеграции углубится – от свободного перемещения товаров, капиталов и рабочей силы к созданию полноценных общих рынков в различных сферах экономики. Именно разработке учредительного договора в последние годы уделялось наибольшее внимание странами-членами Таможенного союза.

Перспективы расширения евразийского интеграционного проекта

Развитие по линии ТС/ЕЭП/ЕАЭС изначально привлекло заинтересованное внимание ряда стран, в том числе за пределами пространства СНГ. Но на сегодняшний день и в ближайшей перспективе речь идет о непосредственной подготовке к участию в интеграционном проекте двух постсоветских государств: Армении и Киргизии. Строго говоря, о вступлении Киргизии в ТС было заявлено уже в 2011 году, однако, в силу значительной разбалансировки национальной экономики, процесс подготовки как технических регламентов, так и других разделов документов, необходимых для реального участия Киргизии в интеграции, не удалось оперативно завершить, профильная работа продолжается с учетом правил евразийского формата многостороннего экономического сотрудничества.

Последнее время внимание мировой общественности приковано к событиям, происходящим на Украине, поэтому в СМИ почти незаметно и буднично прошла новость о подготовке к вступлению Армении в Таможенный союз с последующим наращиванием ее участия в формировании Евразийского экономического союза в 2015 году.

Для того чтобы лучше понять причины такого стремительного развития событий вокруг вступления Армении

в Таможенный союз и ее отказа в 2013 году подписать соглашение об ассоциации с Европейским союзом, которое на первый взгляд отвечает ее государственным интересам, необходимо сначала рассмотреть геополитическую ситуацию в Закавказье и ее влияние на внешнеполитическую стратегию государств региона.

После обретения независимости Армения оказалась, по оценкам экспертов, в самой тяжелой ситуации из всех стран Закавказья. Этому способствовали война в Карабахе и последующая экономическая блокада Армении. Понимая всю безвыходность своего положения и ресурсную зависимость, Армения ставит основной задачей внешней политики поиск альтернативных путей обеспечения энергетической безопасности и уменьшения последствий блокады.

На данный момент Арменией реализуется специально принятая «дорожная карта» по вступлению в Таможенный союз¹. По мнению некоторых экспертов, от вступления Армении в ТС ожидается дополнительный экономический рост на 4–5%. Также предполагается, что темпы роста инвестиций и экспорта будут достаточно высокими. В числе возможных положительных сдвигов, которые могут произойти в Армении после присоединения к ТС, – вероятность снижения уровня монополизации, теневой экономики и коррупции.

Важным преимуществом членства Армении в Таможенном союзе является устранение пошлин в импорте энергоресурсов Арменией. В декабре 2013 года «Газпром» и «Газпром Армения» подписали контракт на поставку российского природного газа в Армению в 2014–2018 годах. В соответствии с контрактом, «Газпром» обеспечит ежегодную поставку до 2,5 млрд куб. м. газа, стоимость которого будет опре-

¹ Это документ называется «График действий, направленных на осуществление программы мероприятий с целью членства в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». Он состоит из 249 страниц и включает в себя 262 мероприятия.

делиться в соответствии с формулой цены, привязанной к российскому ценообразованию на газ¹.

Некоторые эксперты могут подумать, что одной из причин, по которой Армения долгое время не могла вступить в евразийские интеграционные объединения, является территориальный спор с Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха и отсутствие общей границы с Таможенным союзом. Также многие недоумевали, что вот уже на протяжении нескольких лет не удавалось реализовать вполне правильные договоры и соглашения по интегрированию экономики Армении в евразийское интеграционное объединение. Казалось бы, для этого есть все необходимое, что осталось после распада СССР: тесные хозяйственные связи, транспортная и энергетическая инфраструктура, идентичная правовая база. Но это в первую очередь объясняется укладом экономики, в которой преобладают аграрно-сырьевые отрасли, и недостаточностью технико-экономического развития. Успешное региональное интегрирование возможно лишь между высокоразвитыми индустриальными и постиндустриальными странами, способными производить широкий ассортимент готовых изделий и услуг, благодаря чему их национальные экономики обладают высокой взаимодополняемостью. Напротив, аграрно-индустриальные страны с их узким ассортиментом базовых ресурсов (топливо, аграрное, минеральное сырье и продовольствие) объективно являются соперниками, борющимися за рынки сбыта².

Из-за сильного различия в уровне экономического развития Армении и стран Таможенного союза уже возникает немало вопросов об экономической целесообразности вступления Армении в Евразийское экономическое про-

¹ Официальный сайт «Газпрома». 2014. 26 февраля. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2014/february/article185076>

² См.: Шихов Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001.

странство. Немалую влияние на интеграционную готовность страны-кандидата играет также ее внешнеэкономическая стратегия в мировой экономике.

Необходимо отметить, в рамках Таможенного союза пошлины на 60% продукции выше, чем действующие пошлины в Армении. Существует вероятность, что из-за отсутствия прямой границы Армении с ТС беспошлинный товар из Армении будет проходить таможенный досмотр для предотвращения проникновения контрабандной продукции на территорию ТС. Однако можно ожидать, что самым острым вопросом станет предоставление Арменией четких гарантий о распространении права ТС только в пределах признанных международным правом границ, другими словами, таможенная граница должна разделить Армению и Нагорный Карабах.

Основным экспортером продукции в Армению является ЕС, за ним следует Россия. В случае вступления в ТС Армения лишает себя возможности вступить в зону свободной торговли с ЕС. Если Армения надеется также на перспективу интеграции с ЕС в ближайшее время, ей это будет сделать практически невозможно, поскольку судьба внешнеэкономической политики Армении уже будет определяться не между ней и ЕС, а в рамках наднационального органа – Евразийской экономической комиссией, где решения принимаются большинством голосов.

Таким образом, стремление Армении в Евразийский союз обуславливается не готовностью ее к региональной экономической интеграции, а проблемами национальной безопасности и особенностью ее положения в Закавказье. Из этого следует, что она станет, скорее всего, на рельсы «догоняющей страны», с точки зрения ее экономического потенциала по сравнению с другими членами ТС. Успешность Армении будет зависеть от того, насколько быстро страна пройдет переходный период от аграрно-сырьевой экономики к высокоиндустриальной, а не от амбициоз-

ных соглашений и договоров, которые она подписывает со странами ТС.

Надежду на успешное решение карабахского конфликта дают события недавних лет, когда Армения стала одним из инициаторов в нормализации турецко-армянских отношений (так называемая футбольная дипломатия), и что не менее важно – без каких-либо предусловий. Таким образом, будем надеяться, верх возьмет идея создания единого пространства безопасности и мира на пространстве Большого Кавказа.

Вопрос вступления второго кандидата в Таможенный союз также стоит на повестке дня евразийской интеграции. Этим кандидатом является Киргизия, которая также приняла «дорожную карту» по гармонизации национального законодательства с правилами и нормами ТС. Обсуждение вступления в ТС началось еще в 2011 году, когда руководством страны было принято политическое решение. Однако вопрос присоединения Киргизии к Таможенному союзу обрел реальные очертания лишь в 2014 году, после подачи официальной заявки на вступление в ТС. В итоге на заседании Евразийской экономической комиссии 29 мая 2014 года было принято решение, что Киргизия с 2015 года станет новым членом ЕАЭС. В свою очередь, важным было заявление Владимира Путина по окончании встречи в Астане, что Россия готова помочь Киргизии присоединиться к Евразийскому экономическому союзу¹.

Во время одной из встреч в рамках переговоров о вступлении в ТС официальный Бишкек выступил с предложением создать Фонд поддержки стран, вступающих в Таможенный союз. Однако инициатива не нашла поддержки ни в одной из стран объединения. Позже стало известно, что киргизское правительство просит значительные преференции для вступления в ТС. Остаются нерешенными

¹ Выступление на заседании Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе 29 мая 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/45789>

вопросы дальнейшей судьбы киргизских оптовых рынков «Дордой», «Кара-Су» и «Мадина», которые занимаются реэкспортом китайских товаров. Бишкек требует право на льготы по 400 товарным позициям на срок от 5 до 10 лет. Также говорится о необходимости введения льгот при ввозе в страну продуктов питания и легкой промышленности на период адаптации Киргизии в ТС. Кроме того, в числе выдвигаемых требований – помощь в создании пунктов пропуска и оборудовании внешних границ. Правительство также просит о преференциях для трудовых мигрантов.

**Евразийский тренд экономической интеграции –
это не только позитивные ожидания**

Любая практическая, тем более – инновационная, деятельность неизменно сталкивается с объективными и субъективными противоречиями. В случае с евразийским трендом экономической интеграции, продолжением углубления и расширения интеграционного проекта, особую роль играют несколько моментов.

Во-первых, различный потенциал участников взаимодействия, существенное превосходство масштабов российской экономики по сравнению с экономикой Белоруссии и Казахстана, других потенциальных партнеров. Во-вторых, недоверие значительной части элит стран-участниц к перспективам наднационального регулирования экономического сотрудничества. В-третьих, опасения за судьбу широкого многовекторного сотрудничества на международной арене.

Все эти моменты в самых различных коннотациях неоднократно использовались критиками интеграционных процессов и российского лидерства на пространстве СНГ. Характерно, что часто в основе негативных оценок евразийского тренда лежит не столько его фактическое неприя-

тие, сколько желание тех или иных деятелей «застолбить» позицию в общественном дискурсе, усилить конкурентоспособность в контексте борьбы за рычаги и ресурсы государственной власти. Нельзя также сбрасывать со счетов и не всегда достаточное информационное сопровождение интеграционного движения.

Тем не менее, несмотря на «подводные камни», евразийский тренд региональной экономической интеграции отвечает стратегическим и текущим интересам стран-участниц.

1. Интеграционный проект не имеет политической доминанты. Суверенитет, внутренняя и внешняя политика находятся в сфере исключительной компетенции национального руководства, которое несет ответственность перед народами своих стран.

2. Сотрудничество в формате ТС/ЕЭП принесло ощутимые выгоды для белорусской и казахстанской экономик: за истекшие годы не только возросли их экспортные потоки на российском направлении, но и увеличилась доля несырьевой, продукции в их составе; другими словами, уверенно преодолеваются риски утраты индустриального статуса в условиях экономической глобализации.

3. Через систему согласованных преференций российские партнеры существенно расширили свои возможности финансирования модернизационных начинаний, привлечения дополнительных инвестиций в реальный сектор экономики, повышения конкурентоспособности на евразийском рынке и за его пределами.

4. Утверждение масштабного евразийского рынка позволяет успешно развиваться бизнесу стран-участниц, расширять сотрудничество с зарубежными компаниями и одновременно повышает общую экономическую стабильность интеграционного пространства, уверенность населения в завтрашнем дне, которой так еще не хватает гражданам постсоветских государств.

5. Евразийский тренд отмечен важными инициативами в гуманитарной сфере, углубляет социальное содержание интеграционного сотрудничества: так, Договор ЕАЭС предполагает оказание единой медицинской помощи всем гражданам на территории всех государств-участников ЕАЭС, что будет подкреплено открытием единого рынка фармацевтических и лекарственных средств.

* * *

Евразийский тренд экономической интеграции, сформировавшийся на основе комплексного сотрудничества России, Белоруссии и Казахстана, развивается с учетом мирового опыта. Одновременно формируются и специфические реалии регионального взаимодействия, которые определяются практикой многостороннего партнерства стран интеграционного ядра. Евразийский проект открыт для широкого международного участия, не связанного с десятилетиями ожидания для потенциальных кандидатов, а предполагающего вполне прагматичные согласования по конкретным вопросам сотрудничества. Не вызывает сомнений, что расширение ЕАЭС станет хорошей экономической основой для повышения стабильности и предсказуемости обстановки на международной арене.

Ли Син, Ван Чэньсин

Энергетическое взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в контексте евразийской интеграции

Аннотация. В последнее время энергетический фактор стал одним из самых значимых в международной политике. Известно, что регион Центральная Азия богат углеводородами. Благодаря своему стратегическому расположению на стыке Европы и Азии он занимает ключевое место в геополитических интересах таких региональных держав, как Россия и Китай. Некоторые страны Центральной Азии участвуют в проекте по формированию Евразийского экономического союза. Однако в последние годы Китай стал проводить активную внешнюю политику в отношении стран Центральной Азии, что обуславливается огромными инвестициями в их экономику. Возможное соперничество России с Китаем за Центральную Азию можно уже наблюдать в ближайшее время. Это связано и с принятием в 2013 году мегапроекта по созданию «Экономического пояса Шелкового пути», куда входят страны Центральной Азии без участия в нем России.

В статье также затронуты вопросы энергетического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Одним из ключевых для стратегических интересов Китая в регионе является вопрос энергетической безопасности, беспрепятственного доступа и транспортировки углеводородов на рынки Китая.

Ключевые слова: Китай, энергетическая безопасность, Центральная Азия, евразийская интеграция, региональная безопасность.

Подписанием Соглашения о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) подразумевается, что наряду с Евросоюзом, АСЕАН и другими региональными интеграционными институтами в международном сообществе появился ещё один интеграционный механизм, который охватывает большую часть территории Центральной Евразии. В отличие от других интеграционных институтов, в ЕАЭС входит ряд бывших республик СССР (Россия, Казахстан и Белоруссия). Создание ЕАЭС открыло новую фазу интеграции на постсоветском пространстве и будет оказывать большое влияние на региональное взаимодействие на евразийском континенте.

Принято отмечать, что нынешняя евразийская интеграция подразделяется на три субрегиональных интеграционных процесса, то есть на субрегиональные интеграции России – Восточной Европы (Белоруссия), России – Южного Кавказа (Армения), России – Центральной Азии (Казахстан, Киргизия). Исходя из этого, важно выявить, что российско-центральноазиатская субрегиональная интеграция имеет для западного Китая довольно большое значение. Как известно, Центральная Азия – это регион богатый топливными ресурсами и географически близко расположенный к Китаю. При этом Центральная Азия уже стала ключевым звеном в системе энергетической безопасности Китая. Данная статья – попытка осмысления стратегии энергетической безопасности Китая в условиях евразийских интеграционных процессов и отношений Китая со странами Центральной Азии в энергетической сфере.

Китайская дилемма энергетической безопасности

Как неоспоримый факт, реформы и открытость очень способствовали и способствуют бурному росту китайской экономики, который, в свою очередь, стимулировал и стимулирует процессы урбанизации, индустриализации

и интернационализации Китая. Благодаря этому Китай стал второй экономикой по масштабу в мире после США. Объем энергетического потребления в Китае тоже растет высокими темпами, особенно в сфере нефти и газа. По официальным данным, объем расхода нефти в 2011 году составил 450 млрд т. В 2003 году на государственном заседании по экономической работе руководство страны обозначило «финансы» и «нефть» как два ключевых момента в экономической безопасности Китая. Как сказал известный британский историк Пол Кеннеди, «трудности с материальными ресурсами будут серьезно сдерживать Китай»¹. Управление США по энергетической информации прогнозировало, что в 2020 году уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8%, а в 2025 году – достигнет 68,8%².

Факторы, влияющие на энергетическую безопасность страны, многообразны и сложны. Например, война, конъюнктура рынка, логистика, технология, инвестиционный приток, геополитика, безопасность производства, стихийные бедствия и др. В сегодняшнем Китае энергетическая безопасность по большому счёту сводится к следующим характеристикам.

Во-первых, нехватка стратегических запасов нефти. По официальным данным общий объем стратегических запасов нефти в Китае составляет лишь 14 млн т. Такой объем сможет обеспечивать потребности Китая в нефти не более чем на 20 дней³. Представляется очевидным, что такое количество запасов находится далеко от принятой оценки Международного энергетического агентства (МЭА) – 90 дней. В этой связи, Китай рассчитывает довести этот

¹ Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of The Great Powers*. Beijing: International Cultural Publishing Company, 2005, P. 439.

² 陈柳钦, 《新世纪中国能源安全面临的挑战及其战略应付》, 决策咨询通讯, 2011 № 3

³ 解密“中国战略石油储备”: < http://news.xinhuanet.com/2011-01/21c_12100671_1.htm

уровень до 85 млн т к 2020 году¹. Только тогда Китай сможет достигнуть требования МЭА по объёму стратегических запасов нефти.

Во-вторых, снабжение энергоресурсами недостаточно. Уровень зависимости Китая от импортной нефти уже достиг 57% (США – 53%)², тем более что 58,8% импортированной нефти Китая поступает с Ближнего Востока. Однако, за последние годы ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке осложнена вооружёнными конфликтами и политической дестабилизации. Это оказывает негативное влияние на энергетическую безопасность Китая.

В-третьих, транспортировка энергоносителей находится под угрозой. В Китае 80% импортируемой нефти доставляется морским путем, однако почти 90% нефтяных перевозок обслуживают иностранные судовые компании. В ближайшие годы США с необыкновенной активностью переводит свою стратегию с запада на восток, пытаются укрепить своё военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе и твердо контролируют многие стратегические морские пути, в том числе через Малаккский пролив. Совершенно очевидно, что всё это будет препятствовать расширению масштабов транспортировки энергоносителей в Китай. Кроме того, многие морские перевозки находятся под угрозой из-за пиратства (в Карибском и Южно-Китайском морях).

В-четвёртых, цена на нефть далека от своей фактической стоимости. Из-за высокого уровня зависимости от разнообразных внешних факторов, нерационально высокая цена на нефть будет способствовать повышению цен на другие энергетические и промышленные продукты, стимулируя инфляцию на внутреннем рынке страны.

¹ 中国石油战略储备2020年将提升到8500万吨: <<http://finance.huanqiu.com/roll/2011-01/1436104.html>

² 中国的能源政策白皮书(2012): <http://www.gov.cn/jrzq/2012-10/24/content_2250377.htm

В-пятых, отсутствие многостороннего энергетического диалога. Китай не вошёл в группу стран энергопотребителей (МЭА), Китай не относится и к организации стран энергопроизводителей (ОПЕК). В связи с этим интересы Китая обычно не учитываются в многостороннем диалоге по энергетическим вопросам и в процессе определения цен на энергоресурсы.

Структурные особенности современной стратегии энергетической безопасности Китая

На XVIII съезде КПК Ху Цзинтао подчеркнул: «Если смотреть на международную и внутреннюю ситуацию в целом, то развитие нашей страны все еще продолжает оставаться на стадии важных стратегических шансов. Нам нужно, безошибочно оценивая перемены в содержании и условиях этого периода, полностью используя благоприятный момент и хладнокровно реагируя на бросаемые вызовы, удерживать инициативу, добиваться превосходства и завоевывать будущее, а тем самым обеспечивать себе выполнение грандиозных задач полного построения “среднезажиточного общества” к 2020 году и удвоить ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения по сравнению с 2010 годом»¹. Для исполнения вышеуказанных задач в докладе XVIII съезда было отмечено, что рядом с информационной и продовольственной безопасностью энергетическая безопасность является ключевым вызовом, с которым неизбежно столкнется Китай.

Китай – одна из крупнейших стран по энергопотреблению и импорту энергоресурсов. Для Китая энергетическая безопасность в основном относится к безопасности снабжения нефтегазовыми ресурсами. Согласно

¹ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК: < <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.htm>

«Докладу по энергетике Китая 2012 года: энергетическая безопасность» под энергетической безопасностью понимается надёжное, беспрерывное снабжение энергоресурсами, которое необходимо для экономического развития страны¹. В «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)», опубликованном Академией общественных наук Китая, было подчеркнuto, что вопрос безопасности энергетического снабжения делится на два типа: «абсолютная» и «относительная» энергетическая безопасность. Абсолютная энергетическая безопасность называется еще «монопольной» безопасностью. Это означает, что крупный энергопотребитель с помощью собственной экономической, политической и военной мощи пытается владеть в мировом масштабе главными нефтегазовыми месторождениями, усиливать коалиционное военное сотрудничество, контролировать стратегические пути транспортировки, играть главенствующую роль в международных энергетических организациях и гарантировать энергетическое снабжение по стабильным ценам. США, бесспорно, являются единственным исполнителем стратегии «абсолютной» энергетической безопасности в нынешних условиях. «Относительная» же энергетическая безопасность сводится к сотрудничеству для обеспечения коллективной энергетической безопасности. С одной стороны, энергопотребители акцентируют своё внимание на налаживании сотрудничества с энергопроизводителями, используя совместную добычу, развивая инвестиционную деятельность, производство энергоинфраструктуры и др. С другой стороны, между энергопотребителями создаются разные механизмы энергетического мониторинга, информационного обеспечения, стабилизации цены на энергоресурсы, управления перевозками энергоресурсов и др. для обеспечения собственной энергобезопас-

¹ 魏一鸣, 《中国能源报告(2012): 能源安全研究》, 北京: 科学出版社, 2012年, 第1页

ности¹. Нам представляется очевидным, что ориентация на относительную энергетическую безопасность является стратегическим выбором Китая. Китайская стратегия энергетической безопасности включает в себя следующие приоритетные направления: «экономия», «технологические инновации», «диверсифицированное сотрудничество».

Во-первых, «экономия». Экономия ресурсов и охрана окружающей среды служат основой государственной политики. На XVIII съезде КПК было уделено особое внимание созданию экологической культуры и заявлено, что «ресурсоэкономия – основная мера охраны экосреды. Следует обеспечивать экономное и интенсивное использование ресурсов посредством стимулирования коренного преобразования форм их использования и усиления самого управления всем процессом использования в целях экономии, чтобы можно было значительно уменьшать интенсивность потребления энергоресурсов, воды и земли, повышать при этом коэффициент и эффективность их использования. Продвигать революцию форм производства и потребления энергоресурсов, контролировать общий объем их затрат, интенсифицировать экономию энергоресурсов и снижение затрат, поддерживать развитие энергосберегающей и низкоуглеродной индустрии, освоение источников новых и возобновляемых энергоресурсов, обеспечивая энергетическую безопасность страны»². В «Проекте по экономии энергоресурсов и сокращению выбросов на двенадцатый пятилетний период (2010–2015)», опубликованном Госсоветом КНР в 2012 году, было отмечено, что к 2015 году энергозатраты будут снижены до 0,869 т угля для производства ВВП страны на сумму 10 тыс. юаней. По сравне-

¹ 崔民选、王军生、陈义和，《能源蓝皮书：中国能源发展报告（2012）》，北京：社会科学文献出版社，2012年，第298-299页

² Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК: < <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>

нию с 2010 годом данный показатель энергозатрат снизится на 16% с 1,034 т угля¹.

Во-вторых, «технологические инновации». Научно-техническим инновациям как стратегической опоре в повышении уровня общественных производительных сил и совокупной государственной мощи требуется отводить центральное место во всем процессе развития страны². Формирование «инновационного общества» является одной из целей развития Китая на ближайшие годы. Речь идёт не только об инновациях в идеологии и методах управления, но и, что важнее, об инновациях в технологии. Как утверждал Дэн Сяопин, научная технология является первой производящей силой, то есть научная технология не только определяет развитие производящих сил, но и способствует трансформации общества, экономики и культуры. При этом руководящие лица Китая многократно заявляют, что для обогащения потенциала развития в дальнейшем Китаю необходимо всеми силами продвигать научно-технический прогресс в энергетической сфере, повышать инновационную способность страны и преодолеть технические трудности энергетического развития³. На сегодняшний день разработка новых видов энергии и новых энергетических технологий является важной составляющей внешнеполитического сотрудничества Китая с зарубежными странами.

В-третьих, «диверсифицированное сотрудничество». В сфере международного энергетического сотрудничества по большому счёту существуют три модели взаимо-

¹ 《节能减排“十二五”规划》: < http://www.gov.cn/zwjk/2012-08/21/content_2207867.htm

² Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК: < <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>

³习近平在沙特吉达举行的国际能源会议的讲话: < http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-06/23/content_8419548.htm

действия: горизонтальная, вертикальная и комплексная¹. Горизонтальная модель энергетического сотрудничества представляет собой многостороннее сотрудничество между энергопотребителями. Типичным примером данной модели служит Международное энергетическое агентство (МЭА). Страны-участницы МЭА создали систему коллективного использования энергоресурсов в период энергетического кризиса, обмена информацией по энергетическому рынку, стабилизации цен на нефть. На основании установленных диалоговых связей с организациями энергопроизводителей и другими странами, находящимися вне организации, страны-участницы МЭА рассчитывают на снижение рисков в развитии международного энергетического сотрудничества. Под вертикальной моделью энергетического сотрудничества понимается установление двустороннего сотрудничества между энергопотребителями и энергопроизводителями. Другими словами, эта модель функционирует напрямую между «up-stream» и «down-stream». Согласно данной модели, энергопотребители, зачастую при помощи энергетической дипломатии, закладывают твёрдые двусторонние партнёрские отношения с энергопроизводителями для максимального обеспечения собственной безопасности энергетического снабжения. Комплексная модель энергетического сотрудничества формируется на основе объединения горизонтальной и вертикальной моделей. Страны, придерживающиеся данной модели, ведут энергетический диалог одновременно и с энергопотребителями по горизонтальной модели, и с энергопроизводителями по вертикальной. На самом деле, Китай не входит в международную структуру ни с энергопроизводителями, ни с энергопотребителями. В связи с этим международная энергетическая стратегия, которая осуществляется Китаем, относится к вертикальной моде-

¹ 崔民选、王军生、陈义和，《能源蓝皮书：中国能源发展报告（2012）》，北京：社会科学文献出版社，2012年，第298-299页

ли. Разумеется, одновременно с повышением объема морских транспортировок Китаю приходится также строить нефтегазопроводы и диверсифицировать энергоисточники. Кроме того, Китаю должен делаться акцент и на активизации участия и укреплении позиций в международном многостороннем механизме по энергетическим вопросам.

В ближайшие годы мировая политическая обстановка не будет стабильна. Геополитическая среда на Ближнем Востоке и в Северной Африке ухудшилась и продолжает ухудшаться из-за колебаний внутривосточного положения. По мере перемещения стратегического внимания с запада на восток и усиления своего военно-экономического присутствия в АТР США увеличили контроль над морскими пространствами на западном берегу Тихого океана для реализации стратегии глобального перебалансирования и сдерживания Китая. Стало очевидно, что китайские энергоисточники и морские маршруты энергетической транспортировки сталкиваются с потенциальными вызовами. С момента начала проведения политики реформ и открытости восточный приморский район является главным объектом в политико-экономическом курсе Китая. Практика показывает, что данная модель реформирования не только стимулировала быстрый подъем китайской экономики, но и создала несбалансированные социально-экономические между внутренними районами страны, особенно между восточно-приморским и западно-континентальными районами. В силу этого развитие западно-континентального района является исторической задачей работы правительства и становится приоритетным направлением для страны¹.

Энергетика представляет собой будущий локомотив экономического развития в западно-континентальном районе страны. Согласно «Проекту по развитию западного района

¹ “认清形势，明确任务，不断开创深入实施西部大开发战略新局面”——2012年国家发展改革委西部大开发工作会议在云南昆明召开：http://www.sdpc.gov.cn/xwfb/t20120222_462948.htm

на двенадцатый пятилетний период (2010–2015)» правительство Китая нацелено на формирование таких значимых нефтегазовых производственных баз, как базы по нефтепроизводству в Таримской впадине, Джунгарской равнине и впадине Ордос; базы по газовому производству в Сычуаньской впадине, Таримской впадине и впадине Ордос; базы по нефтепромышленности в Караме, Урумчи, Ланьчжоу, Куньмине; базы по нефтехимической промышленности в Караме, Ланьчжоу, Пэнчжоу¹. Поэтому и в плане обеспечения национальной безопасности, и в плане сбалансирования уровня развития между внутренними регионами западно-континентальный район имеет важное стратегическое значение для будущего страны. Нынешний премьер Госсовета КНР Ли Кэцян многократно подчеркивал, что проведение политики открытости к западу является значимой составляющей в политике всесторонней открытости. При повышении уровня открытости в восточно-приморских районах Китай должен расширять внешние связи с пограничными странами, с большей активностью проводить политику открытости в западных районах страны². А генерал-лейтенант китайской армии Лю Ячжоу полагает, что «китайский запад – это великое пространство». «“На западе” – это не только стратегическое направление Китая, но и это наша надежда на будущее, это судьба нашего поколения. Благоприятное географическое положение (близко к центру мира) даёт нам мощную движущую силу. В нашем сознании запад должен восприниматься как направление развития, а не край страны»³. По мнению же декана Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзиси, сегодня стратегическая инициатива США переходит с Запада на

¹ 《西部大开发“十二五”规划》: < http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm

² 李克强: 向西开放是中国全方位开放重要举措: < <http://www.chinanews.com/gn/2012/09-13/4179319.shtml>

³ 刘亚洲, 西部论, 凤凰周刊, 2010年8月5日

Восток. ЕС, Россия, Индия также активно делают свои шаги на Восток. На этом фоне Китай, как значительный игрок в регионе АТР, должен не только сосредоточиться на своих морских границах и своих отношениях с традиционными соперниками и партнёрами, но и стратегически планировать «идти на запад»¹. Энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии является одной из центральных тем западной стратегии Китая. Таким образом, Китаю необходимо проводить более активную политику открытости, повышать уровень открытости на западном направлении, расширять внешние связи с западными пограничными странами для того, чтобы использовать зарубежные ресурсы и диверсифицировать каналы безопасного энергетического снабжения страны².

Взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в сфере энергетики: достижения и проблемы

Центральная Азия, расположенная в центральной части континента Евразия, обладает богатейшими культурным наследием и природными ресурсами. Центральная Азия всегда являлась объектом геополитической борьбы между мировыми державами. На сегодняшний день она стала приоритетным направлением внешней энергетической стратегии Китая. Энергетическое взаимодействие между Китаем и странами Центральной Азии базируется на следующих стимулирующих условиях.

Во-первых, политическое взаимодоверие – твёрдая основа энергетического сотрудничества. После краха СССР Китай был одной из первых стран, который признал суверенный статус центральноазиатских стран и установил с ними дипломатические отношения. 20 лет спустя, на

¹ 王缉思, “西进”, 中国地缘战略的在平衡, 环球时报, 2012 年 10 月 17 日

² 《西部大开发“十二五”规划》: <http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm

принципах взаимодоверия, равноправия, взаимовыгодности, Китай вместе с соседними центральноазиатскими странами рационально и мирно разрешил пограничные вопросы и вопросы военной безопасности. В современных условиях политическое доверие между Китаем и странами Центральной Азии достигло нового уровня¹. Именно это заложило твёрдый политический фундамент для развития и углубления двухстороннего и многостороннего энергетического сотрудничества.

Во-вторых, географическая близость – естественное преимущество для энергетического сотрудничества. Китай соседствует с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном и находится недалеко от Узбекистана и Туркменистана. Нам представляется важным, что данное благоприятное географическое преимущество помогает странам-партнёрам сократить энергетическую транспортировку, снизить себестоимость энергосотрудничества и может стимулировать развитие регионального экономического взаимодействия между Китаем и Центральной Азией в целом. Кроме того, следует отметить, что между Китаем и странами Центральной Азии существуют транснациональные религиозно-культурные связи. Например, на территории Китая также проживают казахи, узбеки, киргизы, таджики, уйгуры и другие мусульманские национальности. Безусловно, такие транснациональные религиозно-культурные связи способствуют развитию социоэкономических отношений и культурного обмена, сближению духовного мира народов Китая и стран Центральной Азии. Поэтому географическая близость тоже даёт странам дополнительные гуманитарные ресурсы в энергетическом сотрудничестве.

В-третьих, взаимодополняемость – движущая сила развития энергетического сотрудничества. Диверсифициро-

¹ В 2005 году Китай и Казахстан подписали «Соглашение об установлении отношений стратегического партнёрства»; в 2012 году Китай и Узбекистан приняли «Декларацию о стратегическом партнёрстве».

ванность энергетической стратегии является общей чертой политической ориентации и Китая, и центральноазиатских стран. С позиции Китая, можно сказать, что энергетическое сотрудничество с центральноазиатскими странами позволяет уменьшить энергозависимость от Ближнего Востока и морских перевозок и диверсифицировать энергоисточники, виды транспортировки для максимального обеспечения энергетической безопасности страны. С позиции стран Центральной Азии, диверсификация направлений экспорта энергоресурсов дает возможность уменьшить значение России на центральноазиатском нефтегазовом рынке, а также увеличить доходы для осуществления внутренних социально-экономических реформ, укрепить свои позиции в мировой политико-экономической системе. Чем диверсифицированней направления энергетического экспорта, тем больше энергетического суверенитета для центральноазиатских стран. Таким образом, диверсифицированная энергетическая стратегия, проводимая Китаем и странами Центральной Азии становится импульсом для развития энергетических двухсторонних или многосторонних партнёрских отношений.

Казахстан – ключевой энергетический партнёр Китая в регионе. В 1993 году Китай и Казахстан официально начали взаимодействие в области энергетики. На протяжении 20 лет сотрудничество между Китаем и Казахстаном в области энергетики непрерывно углубляется. В качестве иллюстраций можно вести следующие примеры. В 2003 году 85,6% акций нефтяного месторождения «Актобе» принадлежало CNPC (China National Petroleum Corporation) и в 2005 году CNPC успешно выкупила компанию «Петроказахстан». Самый большой успех энергосотрудничества между двумя странами – строительство первого в китайской истории транснационального нефтепровода «Казахстан – Китай» (НКК). В 2006 году казахстанская нефть через нефтепровод НКК дошла до границы Китая. Это

событие, имеющее символическое значение, положило начало налаживанию новых энергетических коридоров. В 2008 году начался второй этап строительных работ на нефтепроводе НКК, который охватывает 700-километровый участок «Кенкияк – Кумкол» и посредством которого сданный в эксплуатацию в конце 2005 года нефтепровод «Атасу – Алашанькоу» будет соединен с богатым нефтяными месторождениями участком казахского сектора Каспийского моря. В октябре 2012 года китайская сторона вместе с казахстанскими коллегами подробно обсуждали вопросы о строительстве южной ветви нефтепровода НКК. Согласно официальной статистике, общая пропускная способность НКК составляет более 20 млн т, что соответствует годовому дебету крупного нефтяного месторождения в Китае¹. Кроме нефтяного сектора сотрудничество Китая и Казахстана развивается также в газовой сфере. В конце 2012 года Банк развития Китая подписал с казахстанской стороной документы о предоставлении 1,8 млрд долларов США для строительства магистрального газопровода «Бейнеу – Шымкент» в Казахстане².

Кроме Казахстана, Узбекистана и Туркменистана важное значение Китай придает разработке энергетической стратегии в целом для региона Центральной Азии. В 2006 году CNPC вместе с «Узбекнефтегаз», «Лукойл» и другими компаниями создали Группу «Аральское море», которая подписала соглашение с правительством Узбекистана по освоению нефтегазовых ресурсов в Аральском море. Среди множества проектов, стоит обратить пристальное внимание на Трансазиатский газопровод (ТАГ), который начали строить в августе 2007 года. Можно также отметить, что

¹ 中哈原油管道向中国原油输送量突破2000万吨: http://www.gov.cn/jrzg/2010-01/25/content_1518935.htm

² Банк развития Китая предоставит \$1,8 млрд на строительство газопровода в Казахстане: http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=2011%3A18-&catid=144%3A2011-09-06-10-24-37&lang=ru

ТАГ содействовал в многостороннем сотрудничестве между Китаем, Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном и стал примером для взаимодействия между странами-членами в рамках ШОС. ТАГ делится на два направления: маршрут «А» и маршрут «В», общая длина которых составляет 1833 км, что делает его самым протяженным в мире газопроводом. До 2012 года через ТАГ Китай импортировал природный газ объемом 21,25 млрд куб. м¹. В октябре 2012 года началось строительство нового маршрута «С». Новая ветвь будет укреплять фундамент энергетического сотрудничества между Китаем и центральноазиатскими странами.

В ходе энергетического взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии объективно существуют некоторые сдерживающие факторы.

Во-первых, энергоресурсы Центральной Азии всегда является ключевым объектом борьбы между державами за сферы влияния. В 2011 году администрация президента США Б. Обамы представила проект «Нового шелкового пути», цель которого состоит в том, чтобы соединить два региона – Центральную Азию и Южную Азию – под эгидой Вашингтона и укрепить позиции США в «хартленде» евразийского пространства. В свою очередь, президент России В.В. Путин также выдвинул свой евразийский проект Евразийского союза, чтобы сохранить традиционное преимущество России в регионе. В этих двух проектах энергетическая тематика занимает ключевое место. Помимо того, Япония, Индия и другие крупные игроки принимают активное участие в борьбе за энергоресурсы региона. Становится очевидным, что Китай ждет столкновение лицом к лицу в жестком соперничестве с другими мировыми игроками в освоении энергоресурсов Центральной Азии.

¹ 中亚天然气管道已累计输气212.5亿立方米: <http://www.zgjr.com/News/2012131/home/961434625000.shtml>

Во-вторых, после распада СССР страны Центральной Азии находятся перед серьёзными угрозами и вызовами региональной безопасности (экстремизм, сепаратизм, терроризм), которые могут нанести непоправимый урон энергетической инфраструктуре и препятствовать производству и транспортировке нефти и газа.

Как продвигать энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в обозримой перспективе

Во-первых, на региональном уровне. ШОС – единственная региональная организация, которая включает в себя и Китай, и страны Центральной Азии. На сегодняшний день страны-участницы ШОС находятся на стадии важной экономической трансформации и структурного реформирования. Стоит отметить, что Россия и Казахстан – два крупных партнера Китая по сотрудничеству в сфере нефти и газа – не только входят в структуру ШОС, но и являются двумя локомотивами ЕАЭС. Китай в настоящее время стал одним из крупнейших импортёров нефти. Такое положение дел создает площадку для образования механизма сотрудничества между двумя интеграционными институтами в энергетической сфере, чтобы максимально обеспечивать энергетическую безопасность на региональном уровне.

Во-вторых, на государственном уровне. В отличие от сложившихся традиционных отношений между крупными и малыми странами, которые опираются на дополнительные, неравноправные условия, сотрудничество Китая и стран Центральной Азии относится к новой модели, которая основана на добровольности, равноправии и взаимовыгодности. Китай исходит из понимания исключительных интересов и прав России в жизненно важном для нее регионе и уважает влияние России в политических, эконо-

мических и культурных сферах Центральной Азии. В этой связи, Китай будет задумываться о сбалансировании своих интересов и интересов России в регионе.

В-третьих, на общественном уровне. В процессе налаживания энергетического сотрудничества с центральноазиатскими странами Китаю необходимо уделить внимание на строительство и развитие инфраструктурных проектов, реально улучшать условия жизни людей в этих странах и продвигать идею о «гармоничной Центральной Азии». В качестве примера можно привести то, что в рамках проекта СNPC в Туркменистане китайская сторона создала 15 тыс. рабочих мест и подготовила свыше 60 тыс. кадров для местного муниципального района¹.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что Китай является одним из крупнейших энергопотребителей в мире. Его зависимость Китая от импортных энергоресурсов составляет 57%. При этом единственная сегодня «супердержава» – США – контролирует почти 70% нефтересурсов от общих глобальных запасов. Стратегия о возвращении в Азию, выдвинутая США в последнее время, ухудшает атмосферу обеспечения энергетической безопасности Китая и увеличивает риски в транспортировке энергоресурсов из Африки и Ближнего Востока. При этом диверсификация энергоисточников является естественным стратегическим выбором Китая, и поэтому Центральная Азия представляет для него большую значимость на евразийском пространстве. В повестке дня стратегии энергетической безопасности Китая Центральная Азия играет не вспомогательную роль, а служит объектом стратегического значения.

¹ 周永康考察中石油土库曼斯坦合作项目：
http://www.cnpc.com.cn/News/zxxw/xwzx/gcdt/201209/20120924_C221.shtml

Руслан Изимов

Эволюция центральноазиатской политики Китая

Аннотация. Соперничество региональных держав за господство в Центральной Азии в последние годы значительно возросло. Оно нашло отражение в региональных евразийских проектах. С точки зрения экономической составляющей, китайское присутствие в регионе может оказать конкуренцию евразийской интеграции и созданию Единого экономического пространства. Однако, по мнению автора, у России в регионе очень сильны культурно-исторические связи, что также дополняется сохранившейся от советского прошлого единой инфраструктурой. Китай же грамотно использует свои экономические ресурсы и постепенно становится одним из крупных инвесторов в страны Центральной Азии. Также Китай укрепляет свои позиции в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В целом китайское давление в регионе будет усиливаться, что создаст трудности для экономических интересов России. Однако России необходимо будет активно продвигать вместе с партнерами по евразийскому интеграционному объединению идею создания Евразийского союза.

Ключевые слова: Таможенный союз, Китай, Евразийский экономический союз, Центральная Азия, Шелковый путь.

Китай на современном этапе динамичнее, чем когда-либо раньше проводит политику в Центральноазиатском регионе. Сегодня Китай претендует на роль одного из основных внешнеполитических партнеров стран региона. Соответственно, Пекин ревностно относится к активиза-

ции других внерегиональных игроков. Яркое свидетельство сказанному – резко негативное отношение КНР к Таможенному и Евразийскому экономическому союзам.

Вместе с тем, именно появление новых интеграционных объединений на постсоветском пространстве способствовало определенной эволюции китайской внешнеполитической стратегии в регионе. Так, сегодня мы наблюдаем значительные изменения в восприятии Китаем евразийской интеграции. Уместно выделить три условные стадии отношения Китая к интеграционным объединениям в Центральноазиатском регионе.

Первая стадия. Период 2010–2011 годов. Характерно резко негативное отношение Китая к Таможенному союзу, а также инициативе В.В. Путина по формированию Евразийского экономического союза. Если быть точнее, то в этот период официальное руководство Китая взяло определённую паузу, что было связано с необходимостью комплексно оценить риски и вызовы, исходящие из новых интеграционных проектов. Но экспертное сообщество Китая определённо не желало мириться с таким положением дел. Именно в этот период наблюдалось увеличение количества статей в китайских СМИ, освещающих ситуацию в странах Центральной Азии. В частности, директор Центра России и Центральной Азии Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ) Ли Синь в своей статье писал: «Создание ЕАЭС будет представлять серьезный вызов Китаю, сопоставимый с вызовом времен бывшего СССР. В настоящее время Китай через ШОС повысил уровень своего влияния, и если планы Путина будут реализованы, то ШОС неизбежно ослабнет и даже может исчезнуть. Это не отвечает стратегическим интересам Китая по контролю и стабилизации Азии»¹.

¹ См.: Ли Синь. Пуцзин гуанью ОуЯ ляньмен де шисянь: бейцзин, мубяо цзици (Идея, цели, перспективы и возможности реализации путинского евразийского союза) // Сианьдай гуоцзи гуаньси. 2011. № 11. URL: http://www.360doc.com/content/12/0508/06/9915765_209396447.shtml

Примечательно, что чуть ли ни одним из основных тезисов китайских экспертов на этом этапе была угроза возвращения республик ЦА к идее реанимации Советского союза в целях экономического и политического сдерживания и противодействия Китая и внерегиональных держав¹.

Вторая стадия, к которой можно отнести период с конца 2011 года по начало 2013 года. По прошествии времени с момента объявления о создании Евразийского союза китайские власти стали более взвешенно оценивать возможности ТС и ЕАЭС, а также стали реагировать на эти инициативы. Иными словами, руководство КНР уже не склонно было драматизировать ситуацию и переоценивать возможности Таможенного и Евразийского союзов. Вместе с тем, единственный из китайских экспертов, кто увидел в создании ЕАЭС несомненные плюсы для Китая и для ШОС, был директор Института международных отношений и регионального развития Восточно-китайского педагогического университета Фэн Шаолэй, по мнению которого «новое объединение в перспективе может привести к усилению геополитического соперничества между международными организациями в регионе. А это, в свою очередь, положительно скажется на общей обстановке в Евразии, сохраняя тем самым баланс сил между многосторонними структурами Запада и Востока»².

Третья стадия. Хронологически охватывает начало 2013 года и по настоящее время. Считаю целесообразным подробнее остановиться на этой стадии отношения Китая к интеграции на центральноазиатском пространстве. Именно в этот период, оценив перспективы Евразийского союза,

¹ См.: *Бень Хондын*. Пуцзин гао «ОуЯ лянъмэн» сяп фучжи Сулянь ма? (Намерен ли Путин копировать СССР путем создания Евразийского Союза?) // 9 октября 2011 г. // http://blog.sina.com.cn/s/blog_5f0b194d0102dtqo.html;

² См. *Фэн Шаолэй*. Пуцзин чанцзянь «ОуЯ лянъмэн» дищой итихуа цяньцзин кэци (Предложенный Путиным «Евразийский союз» будет способствовать региональной интеграции) // Чжунго шэхуй кэсюэ бао. 25 октября 2011 г. URL: <http://news.ecnu.edu.cn/>

китайские власти стали принимать комплексные меры по защите своих интересов в регионе. Иными словами, руководство КНР, по всей видимости, приняло решение предлагать странам региона альтернативные проекты, где основной упор будет делаться на финансовые возможности Китая. В частности, в ходе сентябрьского турне 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин предложил формировать «Экономический пояс вдоль Шелкового пути».

Первые претензии указанного проекта в качестве противовеса «Евразийскому союзу» стали появляться в виде статей в официальных изданиях, а также в выступлениях разного рода чиновников КНР. В частности, 10 октября 2013 года официальный печатный орган Компартии Китая газета «Жэньминь жибао» опубликовала на своем сайте сразу два материала, посвященные сравнительному анализу проектов «Евразийского союза» и «Экономического пояса вдоль Шелкового пути»: 1. «Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии». 2. «Экономический пояс Шелкового пути – какими конкурентными преимуществами обладает Китай в Центральной Азии»¹.

В этих статьях авторы пишут о том, что «идея России о развитии Евразийского союза нацелена на сохранение лидирующей позиции страны на постсоветском пространстве. Это объединение главным образом предполагает союз бывших советских республик». В статье также упоминается американский проект Большой Центральной Азии, который трансформировался в «Новый Шелковый путь». «Сущность американского плана заключается в том, что США хотят управлять Афганистаном, но не желают вкладывать деньги. Они надеются, что средства будут предоставлены близлежащими к Афганистану государствами».

¹ Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии? // URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8420655.html>

Другое дело – китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути», у которого есть несколько конкурентных преимуществ. Так, авторы указанных статей приводят следующие сильные стороны китайской инициативы:

– *преимущество концепции развития*. По сравнению с российским Евразийским союзом и американским планом «Новый Шелковый путь» китайский «Экономический пояс вдоль Шелкового пути» – всесторонний проект, который распространяется на восток, запад, север и юг. И если он получит развитие, это принесет выгоду примерно 3 млрд человек. Напомним, что российский проект может объединить в 10–15 раз меньшее число жителей и соответственно создать в 10–15 раз меньший рынок. В рамках китайской идеи экономического пояса можно создать евразийскую экономическую зону, которая будет включать Китай, Центральную Азию и Европу. Эта новая идея является отражением инклюзивного развития КНР, а также позиции развития страны на основе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша. В рамках «Экономического пояса Шелкового пути» ШОС и ЕврАзЭС могут сотрудничать друг с другом, вместе с тем не исключается и американский план «Новый Шелковый путь». Новая идея Китая предполагает объединение стран – членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС на основе Шелкового пути.

– *значительные финансовые ресурсы*. Думаю, что данное преимущество китайского проекта не может быть поставлено под сомнением. Китай сегодня – это действительно ведущий кредитор и инвестор на мировой арене. Этому наглядное свидетельство сентябрьский визит 2013 года Си Цзиньпина и его ошеломляющие итоги. Напомним, что в ходе визитов товарища Си в Казахстане было подписано 22 контракта на сумму в 30 млрд долл., в Киргизии – 9 документов на 3 млрд долл., а также отношения двух стран были выведены на уровень «стратегического партнерства», в Туркменистане – 13 документов, а также было запущена реализация газового

месторождения «Галкыныш», и, наконец, в Узбекистане – 31 соглашение на общую сумму 15 млрд долл.

Директор исследовательского Центра ШОС Шанхайской академии общественных наук Пань Гуан отмечает, что идея России о развитии Евразийского союза нацелена на сохранение лидирующей позиции страны на постсоветском пространстве, а «экономический пояс Шёлкового пути» Китая – евразийская экономическая зона, которая включит в себя Китай, Центральную Азию и Европу.

– *удобное географическое расположение*: Китай имеет границу с тремя странами Центральной Азии. Более того, китайский интеграционный проект предполагает включение в него стран Закавказья, то есть Азербайджана, Армении, Грузии, а также Абхазии и Южной Осетии.

– *преимущества традиций*. Бесспорно то, что у Шёлкового пути древние исторические корни. И, по мнению китайских аналитиков, Китай намерен вновь соединить все звенья древнего Шелкового пути, но уже при помощи новых транспортно-инфраструктурных сетей.

Отдельные китайские эксперты открыто предлагают присоединиться к экономическому поясу «Шелковый путь» – вместо Таможенного союза. Так, выступая на круглом столе в Бишкеке вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ предложил Киргизии отказаться от идеи вступления в ТС в пользу присоединения к китайской инициативе «Шелкового пути». По его мнению, Таможенный союз – это всего-навсего три страны, и не известно, кто еще решится стать его членом.

Вместе с тем, активизация Китая в центральноазиатском направлении наблюдается и в плане реализации крупных инфраструктурных проектов, связывающих страны региона с Китаем. В рамках того же визита Си Цзиньпина в Туркменистан китайская сторона предложила построить уже четвертую нитку газопровода «Туркменистан – Китай». В отличие от первых трех данный газопровод должен

быть проложен по территориям Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в направлении Китая. Тем самым из цепочки выпадает Казахстан.

Другой проект – строительство железнодорожной магистральной Китай – Киргизия – Узбекистан. Данный проект все еще не перешел в практическую плоскость. Камнем преткновения в данном случае является ширина колеи. Китай предлагает свои стандарты, на пространстве же СНГ все железные дороги иного стандарта.

Но здесь важно другое, – КНР уже пытается брать на себя функции модератора отношений между странами региона. Вышесказанное вовсе не означает, что Китай активно практикует альтруизм в Центральной Азии. Можно сказать, что на данном этапе Китаю жизненно необходимо поддерживать стабильность в регионе. Что будет, когда регион перестанет представлять интерес для восточного гиганта, – предсказать сложно.

Что же касается фактических результатов функционирования Таможенного союза с точки зрения интересов Китая, то создание Таможенного союза и Единого экономического пространства не могло не сказаться на состоянии экономических отношений трех стран с Китаем. Столь масштабные перемены в правовом поле, политических раскладах, торговых потоках в регионе всегда сказываются на отношениях основных торговых партнеров, коими, безусловно, являются Россия, Белоруссия и Казахстан, с одной стороны, и Китай – с другой.

В первые годы функционирования ТС Китай ощутил негативные влияния от повышения таможенных пошлин на границе. Так, по итогам первого года функционирования ТС объем импорта товаров из КНР в Казахстан вырос всего на 10%¹. Данное обстоятельство в первую очередь от-

¹ Внешняя торговля Таможенного союза по странам 2011// Евразийская экономическая комиссия. URL: http://tsouz.ru/db/stat/eCU201112new/Documents/COUNTRIES201112_1.pdf

разилось на экономике СУАР КНР. В результате снижения объемов экспорта экономика автономного района ощутила краткосрочную стагнацию, когда произведенные товары во время не реализовывались и накапливались на складах. Но в последующие годы Таможенный союз не представлял для Китая особую угрозу. Ведь наряду с препятствиями Таможенный союз открыл для Китая новые возможности занять рынки европейской части России и Белоруссии.

Несмотря на потери по некоторым позициям товарного экспорта, в целом благодаря созданию Таможенного союза Китай получил дополнительные возможности выхода на российский рынок, а Белоруссия и Казахстан, в свою очередь, получили возможность привлечения дополнительных инвестиций и доходов от реэкспортной деятельности.

Благодаря инвестиционному взаимодействию с Белоруссией Китай может получить доступ к российскому рынку, поставляя на него формально белорусские товары китайских производителей. Сотрудничество с Казахстаном и его реэкспортная деятельность позволяют КНР поставлять в республику большое количество потребительских товаров, которые впоследствии реэкспортируются на территорию РФ.

Заключение. Постсоветское пространство в целом и страны Таможенного союза в частности представляют важное политическое и экономическое значение для Китая. Россия представляет для Китая наибольший интерес с точки зрения размера своей экономики и внутреннего рынка.

Центральноазиатские страны важны для Китая как источники сырья (Казахстан и Туркменистан), как важные транспортные коридоры и крупные базы реэкспорта потребительских товаров (Таджикистан, Киргизия, Казахстан), что важно для Китая с точки зрения развития своих западных провинций (прежде всего СУАР). Что касается Белоруссии, то она, обладая достаточно квалифицированными трудовыми ресурсами, стала привлекательной базой для китайских инвестиций. Благодаря сотрудничеству с

Белоруссией и строительству на ее территории крупных промышленных кластеров, китайские компании надеются получить доступ на российский рынок.

В то же время создание ТС и формирование Единого экономического пространства привело к обострению конкуренции внутри ТС – ЕЭП не только за иностранные инвестиции (в том числе китайские), но и за внутренние: в условиях единого рынка предприниматели при прочих равных условиях предпочитают страну с наиболее благоприятным инвестиционным климатом.

Если говорить о влиянии Китая на экономические и интеграционные процессы внутри Таможенного союза, то можно отметить, что торгово-экономические взаимоотношения Киргизии и Китая имеют определяющее значение для присоединения или неприсоединения Киргизии к ТС, так как в реэкспортной деятельности китайских товаров занят очень высокий процент экономически активного населения Киргизии.

Также стоит отметить, что создание ТС привело к значительной переориентации товарно-логистических маршрутов из Китая в европейскую часть России и Европу: все чаще участники ВЭД предпочитают альтернативные маршруты через Казахстан железнодорожным перевозкам через российский Дальний Восток, что связано не только с временным фактором, но и с ценовым.

Несомненно одно: вряд ли ТС, ЕЭП и даже ЕАЭС могут в одночасье изменить сложившееся положение вещей. Тем более, как справедливо подчеркивают китайские эксперты, практическая реализация этих проектов неизбежно столкнется и уже сталкивается с массой трудностей как внутри-регионального, так и геополитического характера.

Даурен Абэн

Казахстанско-российские отношения в контексте евразийской интеграции

Аннотация. Идея создания Евразийского Союза уходит своими корнями в далекие 90-е гг. На сегодняшний день успехи евразийской интеграции можно наблюдать в рамках всеобъемлющего сотрудничества между Россией и Казахстаном. Автор статьи подробно рассказывает о вопросах евразийской интеграции в сфере военно-политического и экономического взаимодействия двух стран. По многим направлениям интересы России и Казахстана традиционно совпадают, что показывает высокий уровень взаимодоверия и интегрированности. Однако необходимо обратить внимание, что иногда возникают спорные моменты в подходах к евразийской интеграции, которые затрагивают не экономическую составляющую, а политический суверенитет и независимость республики. В любом случае, страны-участницы евразийской интеграции хорошо понимают, что это необратимый процесс, и продолжают углублять интеграцию, несмотря на проблемы.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, Таможенный союз, Казахстан, Россия.

Российская Федерация занимает особое место во внешнеполитических приоритетах Казахстана. Среди всех государств мира именно с Россией у нашей страны имеются наиболее глубокие политические, экономические и гуманитарные связи, существует тесная взаимозависимость в энергетической, торговой и коммуникацион-

ной сферах. Это объективный факт, сложившийся под влиянием географических, исторических и культурных обстоятельств. За время независимого развития обоих государств эти факторы не утратили своего значения. Более того, схожесть экономической модели развития и общность интересов сыграли решающую роль в становлении и развитии евразийской экономической интеграции, первым результатом которой стал образованный в 2010 году Таможенный союз (ТС) между Беларусью, Казахстаном и Россией.

Казахстанско-российские отношения остаются наиболее тесными на пространстве СНГ. В таком ключе выдержаны практически все дипломатические и юридические формулировки двусторонней правовой базы. Политическое сотрудничество постоянно поддерживается на высоком уровне отношений, что демонстрируется частотой визитов, переговоров и обсуждений по различным проблемам между руководителями Казахстана и России как в двухстороннем формате, так и рамках многосторонних встреч. В настоящее время договорно-правовая база двустороннего сотрудничества насчитывает более 170 договоров и соглашений в различных областях. Правовой основой отношений служит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 25 мая 1992 года¹. Стремление сохранить и развивать добрососедские отношения повлияло на эффективное политическое решение пограничных вопросов, что особенно важно с учетом того, что граница между странами является самой протяженной в мире (более 7,5 тыс. км). После успешного завершения делимитации границы главы двух государств подписали 18 января

¹ Сотрудничество Республики Казахстан с Российской Федерацией / Министерство иностранных дел Республики Казахстан. URL: http://mfa.gov.kz/ru/#!/foreign-policy/sotrudnichestvo_kazahstana/sotrudnichestvo_so_stranami_sng/sotrudnichestvo_respubliki_kazahstan_s_rossiyskoy_federatsiey

2005 года в Москве Договор о казахстанско-российской государственной границе¹.

Важное место в отношениях Казахстана и России занимает торгово-экономическое и межотраслевое сотрудничество между регионами двух стран. Ежегодно проводятся форумы руководителей приграничных регионов с участием глав государств, на которых обсуждаются наиболее актуальные вопросы двусторонней повестки дня, в том числе в индустриальной, топливно-энергетической, транспортной и культурно-гуманитарной сферах. Большое внимание уделяется обсуждению тематики рационального природопользования, совместного использования рек, водоемов и других природных ресурсов. На X-м юбилейном форуме межрегионального сотрудничества, который прошел в Екатеринбурге в ноябре 2013 года, президенты двух стран подписали Договор о добрососедстве и союзничестве, призванный вывести двусторонние отношения Москвы и Астаны на качественно новый уровень².

Тем не менее сотрудничество между соседями необходимо рассматривать во всем спектре межгосударственных отношений, в том числе и имеющихся проблем. В последнее время Казахстан в процессе интеграционных процессов с Россией стал демонстрировать прагматичный подход к сотрудничеству в рамках евразийской интеграции. Идея всеобъемлющего экономического прагматизма была озвучена также в Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Новый программный документ – Стратегия «Казахстан-2050» – закладывает принципы модернизации внешней политики, где принятие решений исходит из эконо-

¹ Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о казахстанско-российской государственной границе // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000092_

² Россия и Казахстан подписали договор о добрососедстве и союзничестве в XXI веке // ИА «Интерфакс». 2013. 11 ноября. URL: www.interfax.ru/world/340038

мической целесообразности и долгосрочных интересов, равноправия партнерства, наращивания экономического потенциала и стимулирования экспорта¹.

Данный подход определяет приоритеты Казахстана в международных делах, основными из которых стали укрепление региональной и национальной безопасности, развитие экономической и торговой дипломатии, интенсификация отношений в различных сферах и обеспечение надлежащей правовой защиты казахстанских граждан за рубежом. Таким образом, развивая двустороннее отношение с Россией, необходимо учитывать изложенные в стратегии базовые принципы, исходя из следующих складывающихся тенденций:

- близкие или совпадающие позиции государств по основным направлениям международной политики, особенно в отношении обеспечения основ стабильного и мирного развития международных отношений, а также признания ведущей роли глобальных и региональных структур безопасности в разрешении конфликтов;

- общность принципов, на которых строится современная внешняя политика Казахстана и России: многовекторность внешнеполитических отношений, диверсификация экономического сотрудничества и сбалансированность международных связей;

- стремление к объединению рынков как общей направленности в мировом экономическом пространстве по мере активизации межгосударственной торговли, движению товаров и услуг, передвижению рабочей силы и развитию промышленного потенциала.

За более чем два десятилетия в Казахстане и России проводились схожие политико-экономические реформы, практически одновременно были приняты решения о пере-

¹ Послание президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050» «Новый политический курс состоявшегося государства» // Портал «Стратегия «Казахстан-2050». URL: http://strategy2050.kz/ru/page/message_text/

ходе экономик на рыночные отношения и о формировании финансово-валютных систем, что достаточно благоприятно отразилось на взаимной адаптивности экономических моделей обеих государств. Из всех стран, входящих в Евразийское экономическое сообщество (за исключением Белоруссии, которая находилась с Россией в союзнических отношениях), именно Казахстан и Россия решились снять между собой таможенные барьеры.

Однако учитывая современные реалии и то, что каждая из сторон объективно преследует свои национальные интересы на сугубо прагматических принципах, взаимодействие в рамках общего таможенного пространства получает различные, порой диаметрально противоположные, оценки.

Первые годы существования в рамках ТС и Единого экономического пространства (ЕЭП) принесли Казахстану неоднозначные результаты. Едва ли не единственным положительным экономическим эффектом интеграции стал рост поступлений в бюджет от таможенных платежей, взимаемых на внешних границах ТС. Наблюдавшийся первоначально резкий количественный рост казахстанского экспорта в Россию и Белоруссию стал частью увеличения экспорта по всем направлениям, который произошел во многом благодаря восстановлению спроса в мировой экономике. Но при этом не изменились ни географическая, ни номенклатурная структуры экспортных поставок Казахстана, основу которых, как и прежде, составляют сырье и обработанная продукция промежуточного цикла¹. Начиная с 2012 года, экспорт казахстанской продукции в страны ТС и вовсе сокращается, в то время как объемы беспошлинного российского и белорусского импорта стабильно растут².

¹ Участие Казахстана в Таможенном союзе сильно изменило экономику страны // Литер. 2013. 4 мая.

² Выступление Министра экономики и бюджетного планирования Е. Досаева на коллегии министерства 8 февраля 2013 года // Правительство Республики Казахстан. URL: <http://ru.government.kz/documents/publications/page581>

В условиях ЕЭП казахстанское бизнес-сообщество оказалось под мощным прессингом конкурентов из стран-партнеров, в том числе и вследствие применения ими ценового демпинга, что приводит к вытеснению с рынка отечественных производителей. Более благоприятный налоговый и инвестиционный климат в сочетании с более низкими ценами на энергоресурсы привел к экспансии российских компаний на рынок Казахстана. Однако казахстанскому бизнесу в России приходится работать в гораздо менее комфортных условиях, преодолевая различные нетарифные методы регулирования, которые применяет российская сторона¹.

Евразийская экономическая интеграция не способствует решению задач по диверсификации экономики для снижения ее зависимости от сырьевой ориентированности экспорта. В рамках осуществляемой индустриальной модернизации отечественная перерабатывающая промышленность нуждается в современном высокотехнологичном оборудовании, однако введение высоких тарифов на ввоз такого оборудования из третьих стран сужает выбор казахстанских компаний, заставляя их приобретать продукцию российских производителей, которая не всегда соответствует предъявляемым стандартам качества².

В процессе формирования ТС и ЕЭП российская сторона не всегда и не в полной мере учитывала интересы Казахстана, который, в свою очередь, воздерживался от жесткого принципиального торга, опасаясь вызвать конфликтные ситуации в отношениях с ближайшим союзником. К примеру, для продвижения интеграции Казахстану пришлось согласиться на введение в рамках ТС высоких российских импортных тарифов и фактически принести в жертву либеральную деловую среду, созданную в стране для малого и среднего бизнеса.

¹ Назарбаев обвинил Россию в создании барьеров для партнеров по ТС // РИА «Новости». 2013. 24 октября. URL: <http://ria.ru/economy/20131024/972398735.html>

² Иконников А. Между Таможенным союзом и ВТО // Центр Азии. Сентябрь / октябрь 2012. № 17-20. С. 75–78.

Меры, принятые в рамках формирования ЕЭП, больно ударили по экономически активной части населения Казахстана, занятой в малом и среднем бизнесе, приведя к фактическому сворачиванию челночного бизнеса и росту безработицы за счет так называемой категории самозанятых. Одним из последствий создания ТС стало значительное подорожание продовольственных и ряда потребительских товаров, а из-за принятых на себя обязательств государство не в состоянии эффективно сдерживать инфляционное давление и контролировать рост цен¹.

Обострение социально-экономических проблем отнюдь не способствует популярности идеи создания ЕАЭС среди населения, не говоря уже о его мобилизации вокруг этой идеи. Более того, наряду с нарастанием протестных настроений в казахстанском социуме наблюдается относительный рост межнациональной напряженности. В ответ на ускорение интеграционных процессов, подкрепляемое риторикой Кремля о возрождении прежнего влияния российского государства, в Казахстане усиливаются позиции национал-патриотических сил².

С другой стороны, и в российском обществе происходят достаточно сложные процессы. Современная Россия представляет собой достаточно разнородное образование, которое продолжает испытывать кризис национальной идентичности. О международной роли этой страны в глобальном мире в среде российских политиков и в экспертном сообществе также существуют множество мнений, идей и теорий. В этой связи широкая часть российского социума ожидает от властей выработки такой геополитической доктрины, где бы Россия выступала в роли мировой державы. Следовательно, популярной среди влиятельной части российского политического истеблишмента и экспертного

¹ *Илеуова Г.* Плюсы и минусы таможенной кооперации // Независимая газета. 2012. 2 апреля.

² Там же.

сообщества становится великодержавность, вследствие чего они желают видеть ближайшее геополитическое окружение в роли подчиненного партнера.

Несмотря на то что Россия удерживает свои лидирующие военно-политические позиции в мире, ее экономика остается зависимой от заимствования инноваций, разрабатываемых в основном в западных государствах. Базис технологически емких отраслей до сих пор строится на разработках советского периода, которые остаются эффективными, но с учетом современных тенденций требуют глубокой модернизации. Продолжающаяся отсталость промышленного потенциала определяет высокий уровень сырьевой направленности российской экономики.

На практике российская политика во многом следует интересам крупного бизнеса, тесно интегрированного с ведомственными органами управления. В ряде случаев такой подход обуславливает достижение односторонней выгоды, и зачастую российские партнеры не желают делиться высокими технологиями в наукоемких отраслях. Учитывая, что Россия на постсоветском пространстве имеет определенное преимущество в научно-технической базе и кадровом потенциале в ракетной, космической и ядерной сферах, энергетике, металлургии, оборонной промышленности и машиностроении, продолжение подобной политики со стороны Москвы является для Казахстана серьезным вызовом. Эта проблема будет иметь тенденцию к усложнению по мере того, как в Казахстане осуществляются планы формирования отечественной конкурентоспособной экономики.

По отдельным группам товаров и услуг Казахстан уже сейчас конкурирует с Россией на мировых рынках, а казахстанская политика диверсификации сотрудничества в условиях предстоящего членства во Всемирной торговой организации будет способствовать возможному вытеснению российского участия в тех сегментах национальной экономики, где оно остается традиционно сильным. Тем самым уже в рамках ТС

и ЕЭП между казахстанским и российским бизнесом может возникнуть конфликт интересов, что непременно отразится на состоянии двусторонних политических отношений.

По всей вероятности, все эти проблемы – временные, обусловленные условиями переходного периода, когда государственные и административные структуры, бизнес и в целом общество только начинают осваивать правила интеграционных механизмов. И казахстанское и российское руководство понимает, что ухудшение отношений между странами грозит обеим сторонам слишком большими издержками, последствия которых могут пагубно отразиться практически на всех сторонах жизнедеятельности государств. В этом контексте Астана и Москва готовы обсуждать возникающие проблемы и идти на взаимные компромиссы.

С учетом вышесказанного следует заострить внимание на ряде факторов для построения оптимальной модели взаимодействия на пути евразийской интеграции. Прежде всего, нельзя забывать, что главной целью экономической интеграции является рост экономики стран-участников интеграционного процесса и повышение благосостояния населения. Интеграция любой ценой или ее искусственное ускорение не должны становиться самоцелью. Во главу угла должны быть поставлены национальные интересы в самом широком понимании – как баланс интересов личности, общества и государства.

В этом отношении переход к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) видится постепенным, без излишней поспешности, с всесторонним учетом и критическим переосмыслением опыта становления и нынешних проблем Европейского союза (ЕС), который до недавнего времени воспринимался как самый успешный и эффективный пример регионального и наднационального интеграционного объединения. Зачастую ускоренная, углубленная интеграция в рамках ЕАЭС преподносится как некая панацея от рисков и угроз мирового финансово-экономического кризиса, но не следует упускать из виду, что наблюдаемые в ЕС кризисные

явления были отчасти спровоцированы слишком высокой степенью интегрированности экономик его стран-членов.

Опыт Евросоюза свидетельствует о нецелесообразности ускорения в рамках ЕАЭС процессов формирования единой политики в валютно-финансовой и социальной сферах в силу разнородности уровней развития и структуры экономик Казахстана и России. Более того, неоднозначные последствия расширения ЕС говорят о том, что ускоренное принятие в ТС новых членов может иметь аналогичные нежелательные итоги для евразийского проекта.

Не последнюю роль в эволюции казахстанско-российского взаимодействия будет играть процесс смены поколений. Нынешний этап сотрудничества осуществляется поколением, для которого советские ценности были частью менталитета и идентичности. Для нового поколения общие исторические, мировоззренческие и культурные аспекты будут иметь менее весомое значение, а на первый план выдвинутся политические, социально-экономические и географические факторы.

Устойчивость казахстанско-российских отношений в долгосрочной перспективе будут зависеть от того, насколько стороны смогут проводить сбалансированный курс в соответствии как с общими, так и с собственными стратегическими приоритетами. При этом не следует допускать какого-либо исключительного положения одного из участников интеграционного процесса.

Оптимальная модель казахстанско-российского партнерства в контексте евразийской интеграции должна базироваться на приоритете экономических связей, всестороннем учете национальных интересов и сохранении безусловной самостоятельности в международных делах. Российская Федерация, тем не менее, будет оставаться одним из главных внешнеполитических и основных внешнеэкономических партнеров Республики Казахстан, тесное сотрудничество с которым играет важную роль в обеспечении устойчивого развития Казахстана.

А.А. Свириденко, Ф.С. Файзулин

**Подходы к исследованию «евразийства»
в отечественной науке**

Аннотация. В статье актуализируется концепция евразийства в условиях обострения проблем общежития народов, выработки принципов национальной политики, поиска «путеводной нити», ведущей народы постсоветских государств к достойному будущему. Авторы поднимают вопросы культурной интеграции России с постсоветскими государствами и влияния на евразийскую интеграцию западных и азиатских государств. Статья охватывает исторические предпосылки евразийской интеграции и современные аспекты межгосударственного взаимодействия в рамках евразийского проекта.

Ключевые слова: евразийская интеграция, евразийство, постсоветское пространство, Центральная Азия

В последние годы в общественном мнении все больше утверждается идея о необходимости учета национальных традиций в государственном устройстве и при разработке политики социально-культурного развития. Стала популярной и концепция евразийства. Проблема возможности реализации евразийского проекта в современной исследовательской литературе трактуется по-разному. Среди сторонников евразийского проекта можно назвать А.Г. Дугина, В.В. Кожина, В.В. Малявина, А.С. Панарина, Г.Д. Чеснокова и ряд других авторов. Эти исследователи выступают против прозападнического развития России и против атлантизма. Они провозглашают необходимость восстанов-

ления целостного постсоветского пространства, создания славяно-тюркской интеграции и евразийской сверхдержавы. По мнению Г.Д. Чеснокова, идея евразийства сегодня имеет тот же смысл, который она имела в период своего возникновения. На сегодняшний день евразийская идея выступает в качестве ответной реакции на попытки навязать России политический курс, отвечающий интересам Запада.

Идея общего союза европейских и азиатских народов зародилась в пределах российского государства. И это уникальный пример объединения в рамках единого государства совершенно не похожих друг на друга народов¹. Современный отечественный исследователь А.Г. Дугин считает, что евразийский импульс действует в современной России так же объективно, как он действовал на протяжении всей русской истории, на разных этапах проявляясь по-разному². Именно в единстве геополитического вектора и заключается некая осевая реальность, объединяющая между собой такие далекие явления, как Русь Киевская, Московское царство, Романовская Россия и Советский Союз³.

Мнение этой группы авторов сводится к тому, что евразийская концепция актуальна и в современной исторической ситуации, когда вновь поднимаются вопросы обустройства общежития народов, выработки принципов международной политики, поиска «путеводной нити», ведущей народы единой страны к достойному будущему. Жизнеспособность евразийского союза народов России подтверждена долгими годами проживания на общей территории и событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в которой все народы Советского Союза

¹ Чесноков Г.Д. Евразийство и примеры современной России // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М., 1995.

² Дугин А.Г. Евразийская платформа. М., 2002.

³ Там же.

защищали единое Отечество. Стремление разделить эти народы не только политически ошибочно, но и глубоко безнравственно, поскольку является надругательством над памятью тех поколений, которые в свое время создавали и укрепляли уникальный евразийский союз народов России. По мнению этих авторов, утрата единства не сулит никаких обнадеживающих перспектив ни одному из этих народов. Современное российское общество лишилось общей идеологии и оказалось под мощнейшим идеологическим воздействием Запада. В этих условиях только сплочение евразийских народов вокруг спасительной евразийской идеи, евразийская идентичность способны противостоять гегемоническим устремлениям западной цивилизации, объявляющей различные регионы Евразии сферой своих жизненных интересов, воздействующей на принятие важнейших политических и экономических решений, разлагающей некий духовный остов евразийской культурно-исторической системы, многонациональную общность, притяжение народов друг к другу, собственные ценностно-нормативные механизмы, приоритеты, национальные традиции¹.

По мнению В.В. Малявина, мы в настоящий момент являемся очевидцами гибели зрелищной цивилизации. Вместе с тем, возникновение новой незрелищной цивилизации может произойти только в случае осознания необходимости реальности внутреннего опыта, она должна быть представлена в виде исторического тела². Таким социальным телом и является Россия. Достичь успеха в деле возрождения страны возможно только в том случае, если будут учитываться традиции, склонность русского народа к сотрудничеству, коллективизму, общности. Обращение евразийцев к Востоку не есть призыв к «востокоцентризму»,

¹ Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.

² Малявин В. Россия после Запада и Востока // Евразийская перспектива. М., 1997.

а есть учет азиатского фактора, сочетание европейского и азиатского элементов в Евразии. Сам факт осмысления судьбы России, ее истории по-новому, понимание Евразии как общего дома для населяющих ее народов является принципиально важным.

Ряд современных авторов (Л.П. Архименко, В.Я. Пашенко) считают, что воззрения «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева остаются весьма актуальными и в наши дни. Его концепция этногенеза и евразийской общности способна открыть путь к эволюции России в качественно новый союз народов. Л.Н. Гумилев был противником раздела страны. В отличие от европейских государств, для Евразии, несмотря на большое разнообразие географических условий, объединение всегда оказывалось выгоднее разъединения¹. «Дезинтеграция лишала народы силы, сопротивляемости: разъединение в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей»².

В современных политических и экономических условиях смысл евразийской идеи для России видится в сохранении и обеспечении выживания российской цивилизации как целостности, в ее активном противостоянии разрушающему влиянию Запада. По мнению Л.Н. Гумилева, Запад как цивилизация старше России примерно на 500 лет, в то время как Россия на столько же лет пассионарнее Запада. И именно в этом заключается причина побед России и СССР в войнах против Наполеона и Гитлера.

Согласно учению Л.Н. Гумилева, в крупных масштабах, на популяционном уровне, история регулируется несоциальными импульсами пассионарности, и поэтому невнимание к природным аспектам процессов, протекающих в этнической сфере, недопустимо. Исходя из рассуждений

¹ Архименко Л.П. Евразийские взгляды Л.Н. Гумилева и перспективы развития русского суперэтноса // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против» – М., 1992.

² Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992.

и расчетов Л.Н. Гумилева, можно проследить временную (историческую) последовательность пассионарных импульсов нашего суперэтноса – Московская Русь – Российская империя – СССР – СНГ. Первый такой пассионарный импульс, или толчок, происходит на рубеже XII-XIII веков. Исходя из этого, Гумилев приходит к выводу, что наш этнический возраст – 800 лет. Общая модель этноса свидетельствует, что на этот возраст приходится один из наиболее тяжелых моментов в жизни суперэтноса – фазовый переход от надлома к инерции. В такие переходные периоды происходит переформирование этновозрастных императивов, стереотипов поведения, психологии народа.

Таким образом, согласно концепции Л.Н. Гумилева, переживаемый нами кризис вполне закономерен. В российском суперэтносе надлом впервые произошел в период после Отечественной войны 1812 года. Общая продолжительность фазы надлома превышает 200 лет. Следовательно, советский и переживаемый ныне периоды совпадают с наиболее тяжелой – финальной частью фазы надлома. История свидетельствует, что суперэтносы, не пережившие этого фазового периода, прекращали свое существование как самостоятельные культурные ценности. Они распались и уже частями входили в состав других суперэтносов.

Следующая инерционная фаза – расцвет и благоустроенность. Она у нас впереди, тогда как Запад приближается к выходу из нее, к упрощению системных связей. В силу этих объективных причин и обстоятельств копировать Европу не имеет смысла. Однако это не означает, по мнению Л.Н. Гумилева, что закономерным следствием фазы разлома является распад страны. Процессу разрушения суперэтноса во многом способствует неэффективная национальная политика.

Весьма интересна точка зрения известного политолога А.С. Панарина, который отмечал, что для восстановления евразийской сверхдержавы должна быть четко сформу-

лирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач, реально волнующих людей в наше время¹. В качестве одной из таких задач на передний план выдвигается задача предотвращения глобальной катастрофы. В этой задаче присутствует и антизападнический контекст, подразумевающий «развенчание экологически безответственного техноцентризма и неумеренного потребительского гедонизма»².

Жизненные стандарты и сопровождающий их потребительско-гедонистический комплекс, свойственные сегодняшнему западному миру, выступающему в роли генератора потребительской идеологии, зачастую заимствуются другими континентами без учета возможности своих экономик и угрожающих перспектив экологической катастрофы. Экспансия потребительской психологии может быть остановлена только при помощи мощных идейных реформаций. Основанием новой постиндустриальной аскезы является экологическое самоограничение потребительских обществ.

Для реализации проектов по реформированию России необходима и мощная «мироспасательная» идея, которая, обеспечивая консенсус православной и мусульманской культур, в то же время вписывалась бы в систему ожиданий и приоритетов современной постиндустриальной эпохи³.

В мировой культуре на рубеже XX–XXI вв. наметились некоторые тенденции, включающие «новый» культуроцентризм постиндустриальной эпохи, противостоящий одностороннему экономикоцентризму, вызов технократизму со стороны гуманитарного знания, утверждающего принци-

¹ Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М., 1995.

² Там же.

³ Панарин А.С. Евразийство: «за» и «против», вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 6.

пы человеческого измерения, необходимость экологического самоограничения промышленной цивилизации и его духовного обоснования в форме новой аскезы. Такого рода тенденции сегодня, как и в прошлом, в глобальном масштабе должны персонифицироваться в образе носителя определенной цивилизационной альтернативы, делающего их своим знаменем, энергично внедряющего и распространяющего эти тенденции¹.

Восстановление России в качестве сверхдержавы неразрывно связано с ее возможностями стать определенной цивилизационной альтернативой. Необходимо тщательное осмысление того, насколько аскеза государственного сознания совпадает с общими ожиданиями постиндустриальной культуры. «Только интегрируя идею сверхдержавы в контекст постиндустриальной эпохи, решительно отсекая все то, в чем проявляется ретроградное доктринерство или умышленное стилизаторство под “национально-патриотический дух”, мы можем обрести надежду»².

Таким образом, согласно точке зрения сторонников евразийского проекта, основная функция евразийской идеи как проекта развития России заключается в ее интегрирующей способности. Казалось бы, все выглядит довольно обоснованно и красиво. Тем не менее кроме сторонников у евразийской идеи имеются не менее авторитетные противники. Многие авторы исследуют причины, в силу которых евразийский проект не может быть осуществлен. Так, например, К. Мяло считает, что в настоящее время основные посылки, на которые опирались евразийцы, практически исчезли или превратились в свою противоположность³.

¹ Панарин А.С. Евразийство: «за» и «против», вчера и сегодня. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1995. № 6.

² Там же.

³ Мяло К. Русский вопрос и евразийская перспектива // Евразийская перспектива. М., 1994.

Дальнейший анализ этого вопроса обнаруживает следующие предпосылки:

первая – отталкивание от Запада. Евразийство было реакцией не только на русскую, но и на общеевропейскую катастрофу. В этом плане оно было осмыслением крушения Европы, происходившего после Первой мировой войны, воспринимавшегося в связи с этим как самообрушение западной цивилизации;

вторая – безусловное признание рядом евразийцев факта совершившейся революции в России как положительной ценности или, по крайней мере, ее глубокой обусловленности и укорененности в событиях и процессах предшествующего периода;

третья – признание как самоочевидности роли русского этноса. Об этом говорил Савицкий, об этом говорил и Вернадский, подчеркивающий, в частности, роль безусловного количественного преобладания русских в России в начале XX века¹;

четвертая – доминирующая роль православия и понимания Евразии как евразийского мира развивающейся православной культуры².

Анализ первой посылки показывает, что в настоящее время в общей социальной и психологической атмосфере кризис Запада не ощущается, напротив, с 1985 года очевидна ситуация восхождения вестцентризма. Следовательно, обращение к Западу как к сфере идеальных окончательных решений, с которого началась новая эпоха в 1985 году, – несомненный факт, определивший очень многое в дальнейшем развитии процессов на территории России-Евразии. Политически детонированный из Москвы вестцентризм был подхвачен не только западными республиками Союза, но и среднеазиатскими республиками и азиатскими народами.

¹ Мяло К. Русский вопрос и евразийская перспектива // Евразийская перспектива. М., 1994.

² Там же.

ми, входящими в состав России-Евразии. В отечественной интеллектуальной и политической среде довольно широко распространено мнение, что сам по себе развал Союза произошел вследствие событий в Беловежской пуще, в результате некоего славянского сговора. Таким образом, вина за распад Союза ложится на Россию. В результате чего она полностью утратила свою харизму в качестве исторического и культурного лидера, в качестве системообразующего начала на евразийской территории.

С приведенной позицией можно поспорить. С 1985 года, как говорится, много воды утекло. И стрелка политического барометра зримо отклонилась в другую сторону. Более того, на Западе все явственней просматриваются пессимистические веяния, крах надежд и все более и более вырисовывается шпенглеровский закат Европы¹. Анализ событий межгосударственных отношений России и государственных образований Средней Азии показывает, что они носят чисто прагматический характер, обусловлены проблемами экономики и важной ролью русских специалистов в этих республиках. К сожалению, Россия утратила для среднеазиатских и туранских народов роль посредника, связующего звена между Европой и Азией, из которой исходило классическое евразийство. Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют, что подавляющая часть среднеазиатских республик таким посредником видит Турцию. Русский эфир, русская пресса в этих республиках все больше сокращаются. В то же время увеличивается турецкий эфир, происходит замена кириллицы на латиницу, то есть на алфавит турецкого языка. Наблюдается резкое изменение направления культурно-цивилизационного вектора, а следовательно, уходит из-под ног любимая для евразийцев почва славянотуранства.

Вторая посылка – признание революции 1917 года как некоей ценности сегодня является, мягко говоря, странной

¹ Бьюкенен, Патрик Дж. Америка против Америки. «Смерть Запада». СПб., 2004.

позицией, поскольку официальный политический курс характеризует эту революцию как трагедию не только русского, но и всех народов, населяющих Российскую империю. Дата совершения Октябрьской революции изъята из официального списка праздничных дат, оценка революционных событий 1917 года в современном российском обществе весьма неоднозначна.

Что касается третьей посылки о государствообразующем и культуuroобразующем факторе русского этноса, то и здесь наблюдаются серьезные изменения негативного характера. Русский этнос переживает не лучшие времена. Тот небольшой подъем рождаемости, который наблюдается с 2006 года, погоды, увы, не делает. В России коэффициент жизнеспособности нации, оценивающейся в мире по пятибалльной шкале, равен 1,4. В этом коэффициенте оценивается возможность сохранения генофонда, а также – физического и интеллектуального развития нации¹. Ситуация с самоопределением наций, сложившаяся на постсоветском пространстве, свидетельствует, что способностью России быть соборной организацией некоей единой общности народов и культур другие субъекты Евразии не обладают. В таких условиях входить в предлагаемый Евразийский союз России невыгодно и даже опасно. В таком союзе она нужна как источник сырья, финансовый донор, т.е. ей отводится та же роль, что и во времена Советского Союза, но на условиях гораздо менее для нее приемлемых. Россия перестает быть хозяйкой своих ресурсов и финансов. Поэтому евразийский проект сегодня может привести к упрочению нерусских политических элит за счет российского налогоплательщика и окончательному подрыву жизнеспособности русского этноса².

Четвертая посылка – доминирующая роль православия, к сожалению, тоже не может быть осуществлена на практике.

¹ Мяло К. Русский вопрос и евразийская перспектива // Евразийская перспектива. М., 1994.

² Там же.

Ведущая, приоритетная роль православия в России доказана самой историей, однако в сознании современного общества этот факт, увы, не находит повсеместного отражения¹.

Евразийство стало ложной альтернативой атлантистским концепциям геополитики и геостратегии, а также социально-политической идеологии. Многие исследователи сегодняшнего дня, например, А. Игнатов, считают евразийство опасным идеологическим мифом. Конечно, некоторые позитивные моменты в этом учении есть, например, представление об азиатском влиянии на Россию, на ментальность ее народов, политические традиции, попытки консолидироваться по-новому с иными народами². В то же время евразийское толкование истории, связанное с идеализацией и даже прославлением азиатского влияния, приводит к лицемерной политической программе.

Среди черт евразийства, которые привлекают представителей интеллектуальной элиты и политической ответственности, можно выделить:

– «компенсаторную функцию», снимающую чувство неполноценности по отношению к Западу. Все предыдущие попытки (петровский, советско-коммунистический периоды) сравняться с Западом заканчивались, как правило, глубоким разочарованием;

– поскольку евразийство стремится дать оформление мультинациональному пространству, в котором Россия должна выступить первой среди равных, оно (евразийство) предлагает некоторый эрзац для распавшейся империи. Таким образом, идею евразийства можно рассматривать как политико-терапевтическое средство;

– евразийство пересматривает прежнюю господствовавшую ценностную ориентацию на Запад и определяет

¹ *Игумен Иоанн (Экономцев)*. Опасности евразийской идеологии // Евразийская перспектива. М., 1994.

² *Игнатов А.* Евразийство и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 6.

для славянского этноса миссионерски-мотивированную роль.

Современное евразийство представляет собой спектр различных мнений. В современной интерпретации евразийства можно выделить пять моделей его развития. Причем модели эти весьма различны по своим теоретическим, идеологическим и геополитическим установкам.

Первая форма представляет собой модель русско-имперского евразийства, возникшая в ответ на образование СССР и предчувствие близкого и неизбежного краха. Основой этой модели выступал русско-тюркский союз, исходящий из априорного приоритета имперской доминанты в создании евразийской империи.

Вторая модель основана на убеждении в исторической и культурной преемственности России по отношению к Золотой Орде, рассматриваемой в качестве эталона при создании нового евразийского государства. Этот вариант имеет несколько модификаций: от исторически-конструктивного (Л.Н. Гумилев) до интерпретации, выступающей как аргумент в пользу исторической отсталости, неправомерности, дефектности культурных кодов и принципиальной неререформируемости российской цивилизации как наследницы Золотой Орды в соответствии с идеями и принципами объединений европейского типа. В качестве промежуточных модификаций выступают варианты, исходящие из необходимости монголо-буддийской или тюркской доминанты евразийского союза.

Третья модель предполагает конструирование евразийского пространства по типу соединенных штатов Европы и Азии, по типу плавильного котла Соединенных Штатов Америки. Данная модель основывалась на принципах равноправия народов, объединенных на основе федерализма. Право на выход из союза исключается.

Четвертый вариант выступает в качестве жесткой формы неофашистского евразийства, основанной на противопос-

тавлении атлантизма и континентализма. Все существующие и потенциальные идеологические и геополитические конфликты рассматриваются через призму этого противостояния. Данная модель предполагает последовательное поглощение России четырьмя империями: Китайской, Японской, Германской, единой исламской.

Пятая модель носит социалистическо-коммунистический характер. Предполагается реконструкция СССР в обновленном варианте как альтернативный классическим модернизациям тип постиндустриального прорыва. Данный проект основан на принципе союза народов – федерации территорий, исключающем право на отделение. В основе его лежит понимание России как своеобразной евразийской цивилизации, объединяющей различные нации и конфессии, обладающей собственными алгоритмами движения в истории. Императивом здесь является необходимость сочетания традиционных социокультурных характеристик этой цивилизации с постмодернистскими социальными технологиями.

Ни один из перечисленных проектов в «чистом виде» не является оптимальным вариантом построения евразийского общества. Первый вариант носит архаичный характер, поскольку не принимает в расчет сложившуюся на протяжении второй половины двадцатого века новую историческую реальность, а следовательно, представляет собой утопию. Евразия, ориентированная на Золотую орду в качестве эталона, при всем многообразии вариантов воплощения этого проекта, обречена на превращение в сугубую Азию, на утрату в культурном плане половины составляющей Евразии, также это относится к европоцентристской ориентации в ущерб азиатской компоненты. Абсолютизация же в духе неофашизма чревата концом истории, который чуть было не состоялся в середине двадцатого столетия. Строительство соединенных штатов Европы и Азии грозит разрушить национальную и культурную самобытность

народов, населяющих евразийское пространство и обладающих таким потенциалом культурного и духовного достояния, разрушение которого не может являться залогом политических союзов. Пятая модель содержит продуктивный принцип союза народов – федерации территорий на основе жесткой управленческой модели. Однако препятствием в осуществлении данного проекта является жесткая идеология. Евразийцев объединяла антипатия к Западу. Они, в полном смысле слова, были государственниками и опирались в своей теории не столько на славянофильство, сколько на азийство.

Некоторые исследователи особо отмечают, что евразийцы доказывали большую значимость самобытности, неповторимости каждой национальной культуры, необходимость ее сохранения и развития в новых исторических условиях. При этом они не отрицали значения взаимовлияния культур и, в частности, влияния европейской культуры на Россию, подчеркивали, что Россия как основная часть евразийской цивилизации вместила в себя ценности европейской культуры. Евразийская культура многообразнее и шире последней, поскольку она в качестве своих истоков имеет культуру многих примыкающих к ней народов: тюркских, угро-финских, туранских, монгольских и т.д.¹

¹ Евразийство и национальная идея / Под ред. Ф.С. Файзуллина. Уфа, 2006.

Ли Син, Ван Чэньсин

Евразийский союз в китайской научной литературе¹

Аннотация. Борьба за влияние на Центральную Азию в последние годы значительно усилилась. Особый интерес к региону проявляет Китай с его быстрорастущей экономикой, которому для устойчивого развития необходимы энергоресурсы. Китай пристально наблюдает за происходящими в регионе процессами евразийской экономической интеграции и готовит альтернативный проект для продвижения своих стратегических интересов. Авторы приводят различные стратегии борьбы региональных и внерегиональных игроков за господство в Центральной Азии. Также в статье говорится об инструментах достижения стратегических целей Китая и России как в рамках многостороннего, так и двухстороннего сотрудничества со странами региона. Важную роль в формировании системы отношений в регионе играют такие институты, как Евразийское экономическое объединение, Таможенный союз, ОДКБ и ШОС.

Ключевые слова: евразийская интеграция, китайская наука.

Китай и постсоветское пространство соседствуют друг с другом. Постсоветский регион, расположенный к северо-

¹ Данная статья подготовлена при поддержке Фонда г. Пекина по развитию общественных наук «Связь между “китайской мечтой” и “экономическим поясом по великому шелковому пути”» (supported by 北京市2013年社科规划基金项目《“丝绸之路经济带”与“中国梦”关系研究》) и Китайского совета по стажировкам (supported by China Scholarship Council).

западу от Китая, имеет стратегическое значение в китайской внешнеполитической стратегии. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве находятся в центре внимания китайского научного сообщества. В этой связи, отношения Китая с таким новым интеграционным институтом, как Евразийский союз в Центральной Евразии, безусловно, будут оказывать глубокое влияние на проведение реформ и политики открытости Китая в обозримой перспективе.

Наблюдая за выдвинутым проектом В. Путина по созданию Евразийского союза в 2011 году, мы не можем игнорировать современные международные процессы. Во-первых, последствие глобального финансового кризиса оказывает неоднозначное влияние на ситуацию в европейской и мировой экономике в целом. Данное положение дел стимулирует интегрирование России, Казахстана и Белоруссии, которые стремятся к своей национальной и экономической безопасности от глобальных вызовов и рисков, а также поиск новых движущих сил для осуществления всесторонней модернизации.

Во-вторых, на сегодняшний день Западная Евразия (Евросоюз) уже достиг своего уровня развития, а Восточная Евразия (например, Китай) продолжает развиваться бурными темпами, наращивая потенциал как жесткой, так и мягкой силы. При этом, по сравнению с Западной и Восточной Евразией, Центральная Евразия (Центральная Азия, Кавказский регион и др.) в некоторой степени является слабым звеном из-за региональной нестабильности и социально-экономических проблем. Россия географически расположена в Центральной Евразии, между развитой Западной Евразией и динамичной Восточной Евразией и находится под прямыми или косвенными вызовами с Юга. В этих условиях России приходится брать на себя ответственность за объединение Центральной Евразии, чтобы выстроить стабильный и процветающий мост, соединяющий Европу и Азию.

В-третьих, нам представляется, что Россия сегодня располагает редкими стратегическими возможностями для развития. Пятидневная война с Грузией в 2008 году и представленный проект «химическое оружие в обмен на мир» для решения сирийского кризиса в 2013 году явились поворотными точками для укрепления позиции России на постсоветском пространстве и в Евразии. С экономической точки зрения, по всем показателям Россия является одной из новых растущих экономик мира и стала активизировать свою дипломатическую деятельность во внешнеэкономической сфере. При этом, сегодняшняя евразийская интеграция под эгидой России показала свою актуальность и вполне соответствует стратегическому направлению развития как Казахстана, так и Белоруссии. Кроме российских экспертов, в последние годы большое внимание уделяется развитию проекта Евразийского союза и евразийской интеграции так же и среди китайских экспертов.

Стратегическая цель создания Евразийского союза

Стратегическая цель является ключевым стержнем любой стратегической концепции. Американский исследователь Алай Берк считает, что без целесообразности любая стратегия не считается полноценной, а лишь является тактическим поведением¹. Кроме того, стратегия той или иной страны ещё должна иметь всеобщее и комплексное значение. По мнению китайского учёного Чжоу Пици (Zhou Pi Qi), в стратегической сфере, если мы отдельно, а не комплексно проанализируем проблемы, то это лишь является тактической идеей, а не стратегической мыслью². Говоря словами Мао Цзэдуна, «овладение зна-

¹ Abshire, David M.; Allen, Richard V. National Security: Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead. Hoover Institution Publications, 1963. P. 1.

² Чжоу Пици. Стратегический анализ. Шанхай, 2009. С. 19.

ниями всеобщего значения позволяет нам более разумно использовать ресурсы частного значения, потому что событие частного значения всегда подчиняется вещам, имеющим всеобщее и комплексное значение»¹. В этой связи, во взглядах китайских экспертов, путинский проект по созданию Евразийского союза и активизирование евразийской интеграции с полными основаниями можно отнести к комплексной национальной стратегии России в ближайшей перспективе.

С точки зрения ведущего научного сотрудника Китайской академии современных международных отношений Ван Лицзю (Wang Li Jiu), российская стратегия по Евразийскому союзу характеризуется следующим образом: во-первых, Евразийский союз – это гуманитарный союз, ориентированный на воссоздание исторических социально-культурных связей России с бывшими советскими республиками; во-вторых, Евразийский союз – это союз, обеспечивающий традиционный и нетрадиционный виды безопасности в регионе Евразии; в-третьих, Евразийский союз – это немаловажный внешнеполитический инструмент России, который в перспективе позволит ей повысить свой статус на мировой арене и защищать себя от вызовов со стороны других держав и блоков стран².

Стратегические интересы России в рамках будущего Евразийского союза, по мнению научного сотрудника Исследовательского центра по развитию при Госсовете КНР Лу Байчуня (Lu Bai Chun), заключаются в том, чтобы, во-первых, осуществлять реинтеграцию в рамках СНГ и расширять традиционную сферу влияния; во-вторых, опираясь на Евразийский союз, усиливать свою стратегическую

¹ Сборник Сочинений Мао Цзэдуна. Пекин, 1991. Т. 1. С. 175.

² Ван Лицзю. Стратегия России по Евразийскому союзу и её влияние на китайско-российские отношения // Современные международные отношения. Пекин, 2012. № 4.

роль в АТР; в-третьих, восстановить статус сверхдержавы и стремиться быть одним из силовых центров в многополярном мире¹.

Сравнивая евразийскую стратегию России и США, директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета профессор Ли Син (Li Xing) полагает, что во втором десятилетии XXI века Россия и США одновременно приступили к реализации своих стратегических проектов на евразийском континенте. Россия, опираясь на Евразийский союз, стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. США, реализуя экономический проект «Транс-Тихоокеанского Партнёрства» (ТТП) и военно-политическую программу по «возвращению в Азию», сосредотачиваются на периферийных регионах евразийского континента, чтобы перебалансировать расстановку сил в АТР. В отличие от евразийской стратегии США, проект Евразийского союза не несёт в себе «агрессивную» составляющую². Директор Центра по изучению России при Восточно-китайском педагогическом университете Фэн Шаолэй (Feng Shao Lei) подчеркивает, что в настоящее время проект В. Путина по созданию Евразийского союза ограничивается сферой экономического сотрудничества, в основе которого лежат принципы рыночной экономики и демократические ценности. С большой долей уверенности можно сказать, что в долгосрочной перспективе отношения Евразийского союза с ЕС и Североамериканским регионом будут сочетать в себе элементы как сотрудничества, так и конкуренции³.

¹ Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64.

² Ли Син. Об Евразийском союзе Путина // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 6.

³ Фэн Шаолэй. Инициативы Путина по созданию Евразийского союза, перспективу региональной интеграции можно ожидать // Газета общественных наук. Пекин. 2011. 20 сентября.

Исходя из представленных выше мнений китайских экспертов, напрашивается вывод о том, что Евразийский союз ставит перед собой цель стать универсальным межгосударственным объединением, охватывающим такие ключевые сферы взаимодействия, как политика, безопасность, экономика, культура и др. В китайском научном сообществе превалирует точка зрения, согласно которой Евразийский союз и евразийскую интеграцию необходимо рассматривать в контексте всеобщей национальной стратегии России.

Движущие силы и препятствующие факторы в процессе создания Евразийского союза

Основываясь на Таможенном союзе (ТС) и ЕЭП, евразийская интеграция постепенно углубляется и расширяется. С 2010 года товарооборот между Россией, Казахстаном и Белоруссией значительно вырос. В первом полугодии 2013 года приток российских инвестиций в казахстанскую экономику составил 1 млрд долларов США, увеличившись на 40% по сравнению с 2012 годом¹. В настоящее время повестка дня евразийской интеграции, одним из важнейших направлений которой является создание ЕЭС в 2015 году, одновременно затрагивает сферу институционального строительства и вопросы расширения состава участников, где главными кандидатами являются Армения и Киргизия. Таким образом, большинство китайских исследователей полагают, что экономика представляет собой главную движущую силу в евразийской интеграции.

Ли Син в своей статье отмечал², что, во-первых, накопленный опыт из практики Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) создал необходимые условия для

¹ Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. URL: <http://kremlin.ru/news/19597>

² Ли Син. Об Евразийском союзе Путина // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 6.

ускорения евразийской интеграции; во-вторых, потенциальные экономические возможности стран СНГ до сих пор не полностью раскрыты; в-третьих, будущий Евразийский союз существенно отличается от других интеграционных объединений тем, что Евразийский союз будет построен не на уровне прямых отношений между странами-участницами, а именно на сетевой основе по формату «Союзное государство России и Белоруссии + Казахстан» (2+1).

Ведущий научный эксперт Шанхайского института международных исследований Ли Синь (Li Xin) считает¹, что, во-первых, на постсоветском пространстве интеграция является объективной необходимостью. Следует отметить, что при помощи интеграции страны СНГ, с одной стороны, могут образовывать некий коллективный защищённый от глобального финансового колебания механизм в экономической области, с другой стороны – восстановить и поддерживать экономические связи, прервавшиеся после распада СССР. Во-вторых, инициаторами проекта по созданию Евразийского союза являются Россия, Казахстан и Белоруссия. Этот проект не является исключительно российским. В-третьих, бурное экономическое развитие стран СНГ и их стремление к защите национальной экономики от вызовов глобального финансового кризиса создают возможности для проведения более интенсивной интеграции.

Сравнивая внешнеэкономическую цель России, Казахстана и Белоруссии, научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы при Китайской академии общественных наук (КАОН) Ван Чжюань (Wang Zhi Yuan) пришёл к выводу², что, несмотря на совершенно различные внешнеэкономические модели, Рос-

¹ Ли Синь. Проект Путина по Евразийскому союзу: предпосылки, цель и возможность // Современные международные отношения. Пекин, 2011. № 11.

² Ван Чжюань. Региональное объединение стран Центральной Азии в аспекте Евразийского союза // Доклад по развитию стран Центральной Азии (2013) / Отв. ред. Сунь Ли, У Хунвэй. Пекин, 2013. С. 148–158.

сия, Казахстан и Белоруссия придерживаются общего пути развития, а именно углубления экономической интеграции и стремления к образованию региональной организации более высокого уровня. После вспышки мирового финансового кризиса ухудшение экономической обстановки подтолкнуло Россию к идее объединения стран Центральной Азии, чтобы укрепить свой статус в структуре мировой экономики и подготовиться к большой игре между великими державами в посткризисный период. В качестве крупного экспортёра в области энергетики и продовольствия Казахстан намерен тесно сотрудничать с Россией, чтобы занять более выгодное место на мировом энергетическом и продовольственном рынке и повысить свою значимость на международной арене в целом. Участие Белоруссии в работе ТС направлено на снижение пошлин и расширение товарооборота с Россией и со странами Центральной Азии для стимулирования развития собственной национальной экономики.

В качестве движущей силы евразийской интеграции надо отметить высокое политическое взаимодоверие и общие для трёх стран демократические ценности. По мнению научного сотрудника Института России, Центральной Азии и Восточной Европы при КАОН Чжан Хун (Zhang Hong)¹, несмотря на то, что Россия не разделяет ценности на европейские и национальные, российская концепция «суверенной демократии» всё время вызывает критику со стороны Запада. В западном мире третье президентство В. Путина воспринимается как вызов демократии. Как известно, политические режимы Казахстана и Белоруссии относятся к категории «суперпрезидентский» и могут оказаться довольно уязвимыми в будущем. Исходя из необходимости обеспечения политической стабильности в стране, Казахстан и Белоруссия вступили в ТС, чтобы вместе с

¹ Чжан Хун. Путин намерен построить СССР 2.0 // Мировые знания. Пекин, 2011. № 2.

Россией реагировать на политическое давление и вызовы со стороны западного мира.

Кроме факторов движущей силы, китайские исследователи также обращают внимание на черты, препятствующие евразийским интеграционным процессам.

Во-первых, это проблемы, связанные с самой Россией. Неоспоримым является тот факт, что Россия – ядро евразийской интеграции. Судьба Евразийского союза по большому счёту находится в зависимости от России.

(1) Экономические возможности России. Научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы КАОН Чень Ицзюнь (Cheng Yi Jun) считает, что российская экономика не в силах поддерживать высокий рост и нести финансовые расходы, требуемые для Евразийского союза. При этом, неопределённость и низкая конкурентоспособность российской экономики в мировой экономике воспринимаются как существенный препятствующий фактор для интеграции на постсоветском пространстве¹. С точки зрения эксперта из Шаньдунского университета Хуан Дэнсюэ (Huang Deng Xue), принимая во внимание высокую уязвимость сырьевой модели развития экономики, Россия с трудом восстановит статус великой державой и станет одним из центров силы в многополярном мире. Важно остановиться на этом аспекте. Реализация проекта Евразийского союза в большой степени находится в зависимости от того, насколько сможет сырьевая модель экономики России трансформироваться в наукоёмкую, инновационную модель².

(2) Влияние имперских амбиций России. Россия – это страна с сильными имперскими амбициями, которая воспринимает СНГ как зону особых интересов. В этой связи,

¹ Чень Ицзюнь. Перспектива постсоветской интеграции остаётся туманной // Вестник российских исследований. Харбин, 2013. № 1.

² Хуан Дэнсюэ. О препятствующих факторах в процессе создания Евразийского союза под эгидой России // Современные проблемы мирового социализма. Цзинань, 2012. № 4.

после приобретения независимости многие страны-участницы СНГ, опасаящиеся утратить свой суверенитет, ещё сохраняют бдительность в отношении с Россией.

Во-вторых, это региональные вопросы на постсоветском пространстве. В экономическом плане, нам известно, что в рамках СНГ уровень социально-экономического развития оказался различным, структура товарооборота между странами – неоптимальной. Поэтому можно сказать, что на постсоветском пространстве до сих пор ещё не заложена твёрдая экономическая основа для интеграции, что препятствует углублению и расширению евразийского проекта¹.

(1) Многие вопросы конфликтного характера не решаются за короткое время². Например, пограничные споры, водные проблемы, столкновения на национальной почве и др.

(2) Нельзя забывать, что в течение более чем 20 лет постсоветские страны сформировали внешнеполитическую повестку с учётом собственных национальных интересов. Россия наряду с Китаем, США, ЕС является для них лишь одним из их внешнеполитических партнёров. Например, вступление в европейские интеграционные процессы для Украины является приоритетным; Казахстан и Белоруссия, активно продвигающие с Россией евразийскую интеграцию, одновременно установили отношения стратегического партнёрства с Китаем; США в последние годы продвигают проект под названием «Новый шелковый путь» в Центральной Евразии, чтобы повысить свою стратегическую значимость в этом регионе.

(3) В сфере гуманитарных связей русский язык как традиционное звено, соединяющее общую историю и культу-

¹ Ли Синь. Проект Путина по Евразийскому союзу: предпосылки, цель и возможность // Современные международные отношения. Пекин, 2011. № 11; Ли Синь. Об Евразийском союзе Путина // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 6; Ван Шучунь, Вань Цинсун. О перспективе Евразийского союза // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 2.

² Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлин. Пекин, 2013. С. 62–64.

ру бывших советских республик, постепенно утрачивает своё прежнее доминирующее место в общественной жизни этих стран¹. Потеряв статус государственного языка, во многих странах-участницах СНГ русский язык является только разговорным языком, языком межнационального общения или вовсе одним из иностранных языков. В качестве примера можно привести Казахстан, который, будучи одним из трёх локомотивов евразийской интеграции, решил перейти на латинский алфавит к 2025 году².

В-третьих, помимо сказанного выше, китайские исследователи также обращают пристальное внимание на роль западных стран во главе США, которые способны вмешаться в процесс евразийской интеграции³. После окончания «холодной войны» и распада СССР западные страны в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии продолжают заполнять геополитический и геоэкономический вакуум, который остался после распада СССР. Объединённая Центральная Евразия под влиянием России, конечно, не устраивает западные страны. Как отметила бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон, имеющая место тенденция присоединения бывших советских республик к Евразийскому союзу и ТС под эгидой России характеризуется «ресоветизацией» региона. США должны всеми силами её остановить⁴.

¹ Хуан Дэнюэ. О препятствующих факторах в процессе создания Евразийского союза под эгидой России // Современные проблемы мирового социализма. Цзинань, 2012. № 4.

² Казахстан перейдёт с кириллицы на «современную» латиницу. URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20121215/203384574.html

³ Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64.; Ван Шучунь, Вань Цинсун. О перспективе Евразийского союза // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 2; Хуан Дэнюэ. О препятствующих факторах в процессе создания Евразийского союза под эгидой России // Современные проблемы мирового социализма. Цзинань, 2012. № 4.

⁴ Путин подвергнул Х. Клинтона резкой критике // Global Times (Peking), December 12, 2012.

**Влияние евразийской интеграции
на будущее Евразийского союза,
российско-китайские отношения и ШОС**

С геополитической точки зрения, на сегодняшний день в Центральной Евразии происходит процесс реинтеграции региональных сил, которые будут оказывать большое влияние на другие страны и регионы. Безусловно, влияние евразийской интеграции и Евразийского союза на российско-китайские отношения и ШОС находится в центре внимания в китайском научном сообществе. По мнению большинства китайских экспертов, создание Евразийского союза имеет и позитивную, и негативную стороны.

К позитивной стороне относятся следующие факторы. (1) Создание Евразийского союза ускорит процесс образования многополярного мира, к которому также стремится и Китай. Кроме того, Евразийский союз будет в состоянии сбалансировать отношения России и США и одновременно отчасти нивелировать то влияние, которое может оказать на Китай политика США по возвращению в Азию¹. (2) Двусторонние отношения между Россией и Китаем характеризуются стратегическим взаимодействием и партнёрством, которое, бесспорно, создало институциональную базу для сотрудничества Китая с Евразийским союзом. Поэтому есть полные основания считать, что Китай и Россия являются стратегическими партнёрами, а не соперниками или врагами в Центральной Евразии. Обе страны не заинтересованы в выстраивании напряжённых отношений в этом регионе. Если появляются разногласия и проблемы, Россия и Китай могут открыто их обсудить и найти наиболее адекватные решения в рамках двусторон-

¹ Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64.; О Ян Сян Ин. Евразийский союз – перспектива развития России на постсоветском пространстве // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. Пекин, 2012. № 4.

них отношений. При этом, по мнению Ван Лицзю (Wang Li Jiu), будущий Евразийский союз не будет негативно сказываться на российско-китайских отношениях¹. (3) ЕАЭС нацелен на региональное интегрирование. Его цель схожа с направлением экономической интеграции ШОС, то есть переход с упрощения в торговле и взаимных инвестициях к экономической интеграции более высокого уровня². При этом, ЕАЭС, безусловно, сможет выстраивать взаимодополняющие отношения с ШОС³.

На негативной стороне, в основном, сосредоточены экономические вопросы.

Во-первых, создание ТС с большой вероятностью может сказаться на торговых отношениях между Китаем и странами-участницами этой организации⁴. Так как (1) единый рынок в рамках ТС упрощает сотрудничество между странами-участницами в сфере взаимных инвестиций. Но он повышает сложность и риски осуществления инвестиционной деятельности Китая в этом регионе. (2) Согласно Таможенному кодексу ТС, разработанному на основании ныне действующего Таможенного кодекса России, импортная пошлина на 92% товаров ведётся по российскому стандарту. В этой связи, по кодексу ТС Казахстан повысил импортную пошлину для китайских товаров. Соответственно, китайские товары постепенно утрачивают своё преимущество по

¹ Ван Лицзю. Стратегия России по Евразийскому союзу и её влияние на китайско-российские отношения // Современные международные отношения. Пекин, 2012. № 4.

² Фу Цюаньчжан. О перспективе Шанхайской Организации Сотрудничества и Евразийского экономического союза в аспекте региональной экономической интеграции // Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 165–175.

³ Ли Син. Об Евразийском союзе Путина // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 6.

⁴ Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64; Ван Чжиюань. Региональное объединение стран Центральной Азии в аспекте Евразийского союза // Доклад по развитию стран Центральной Азии (2013) / Отв. ред. Сунь Ли, У Хунвэй. Пекин, 2013. С. 148–158.

цене на казахстанском рынке. (3) В рамках ТС по-прежнему существуют некие барьеры для наращивания инвестиций и факторы регионального протекционизма¹. Как было заявлено членом коллегии (министром) по торговле при Евразийской Экономической Комиссии (ЕЭК) А.А. Слепнёвым, ЕЭК намерена с 2015 года ввести тарифные квоты. В рамках соглашений ЕЭК будет расширять список товаров, которые будут включены в тарифные квоты².

Во-вторых, у Евразийского союза и ШОС есть пересекающееся географическое пространство. Россия и Казахстан являются создателями и Евразийского союза, и ШОС. Киргизия и Таджикистан через какое-то время могут также вступить в ТС и продолжают наращивать сотрудничество в рамках евразийской интеграции. Кажется очевидным, что все эти факторы будут ослаблять экономическую составляющую ШОС³. По всей видимости, можно сказать, что занимающая относительно не выгодное положение в евразийской экономической конфигурации Россия не намерена на продвижение экономической интеграции в ШОС, а предпочитает проводить евразийскую интеграцию только при своем лидерстве⁴.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что китайские исследователи в основном положительно оценивают проект создания Евразийского союза и приходят к выводу,

¹ Сюй Юнься, Ли Цинь. О факторах влияния на китайские прямые инвестиции в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана // Практика во внешнеэкономических отношениях и торговли. Ухань, 2013. № 8.

² Евразийская экономическая комиссия намерена ввести тарифные квоты с 2015 года. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/jmxw/201311/20131100395531.shtml>

³ Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлинь. Пекин, 2013. С. 62–64; Ван Чжисюань. Региональное объединение стран Центральной Азии в аспекте Евразийского союза // Доклад по развитию стран Центральной Азии (2013) / Отв. ред. Сунь Ли, У Хунвэй. Пекин, 2013. С. 148–158.

⁴ Ли Син. Об Евразийском союзе Путина // Российские исследования. Шанхай, 2012. № 6.

что Евразийский союз – будущая региональная межправительственная организация, с которой Китаю необходимо налаживать, развивать и углублять взаимовыгодные отношения. С нашей точки зрения, исследования проблематики евразийской интеграции в китайском научном сообществе сталкиваются со следующими недочётами. Во-первых, отсутствие диверсифицированных научных аспектов. Отталкиваясь от опубликованных научных трудов, необходимо отметить, что китайские эксперты зачастую комплексно рассматривают происходящую евразийскую интеграцию либо с точки зрения отношений между великими державами, либо с макрорегиональной точки зрения. Однако китайские учёные не обращают достаточного внимания на пограничное сотрудничество Россия – Белоруссия – Украина, Россия – Казахстан, сотрудничество России, Казахстана и Белоруссии в сферах транспорта, коммуникации, миграции. Во-вторых, отсутствие диверсифицированных научных методов. Научный метод представляет собой выбранный исследователем подход к изучению той или иной научной проблематики. Различные научные методы имеют свое поле действия и четкую нацеленность на раскрытие конкретной проблематики¹. Соответственно, важнейшим условием практической значимости полученных выводов является правильность или неправильность научного метода исследования. Исследуя евразийскую интеграцию, китайские учёные обычно отдают предпочтение позитивистскому научному методу по позитивизму, делая акцент на вопросах «что?», «как?» и «почему?». Этот научный метод дает однозначные выводы, но не позволяет изучать более глубокие проблемы и микроявления, которые имеют место в евразийской интеграции. На сегодняшний день связь между евразийской интеграцией и стратегией «экономического пояса на великом шёлковом пути», который

¹ Янь Сюетун, Сунь Сюэфэн. Практические методы по исследованиям международных отношений. Пекин: Жэньминь, 2007. С. 20–21.

был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином в ходе государственного визита в Казахстан в сентябре 2013 года, привлекает большой интерес у китайских экспертов. В дальнейшей исследовательской работе по данной проблематике китайским учёным необходимо уделять магистральное внимание диверсификации научных аспектов и методов, прежде всего используя междисциплинарные подходы в изучении евразийской интеграции.

К.Ю. Сафронов

Евразийский молодёжный парламент – актор публичной дипломатии государств Евразии

Аннотация. В статье рассматривается роль межпарламентского диалога государств Евразийского экономического союза. Автор анализирует современную тенденцию молодёжного межпарламентского диалога государств евразийского пространства в качестве приоритетного направления функционирования публичной дипломатии России.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕврАзЭС, публичная дипломатия, парламентаризм.

29 марта 1994 года в МГУ имени М.В. Ломоносова президент Казахстана Нурсултан Назарбаев впервые выступил с идеей евразийской интеграции, заключающейся в создании объединения стран-участниц СНГ, и предложил назвать его Евразийским Союзом – ЕАС. С этого времени следует отсчитывать новую эпоху современной истории постсоветского пространства. При этом идея «евразийства» стала служить не только теорией, но конкретной политической практикой.

Само понятие «евразийства» как идейно-политической и геополитической концепции появилось в среде русской эмиграции (Трубецкой, Савицкий, Алексеев, Сувчинский,

Ильин, Бромберг, Хара-Даван и др.). Эта концепция сводилась к немногим основным положениям. Россия – это не Европа и не Азия, а Евразия, и поэтому она имеет особый путь развития. Нация и культура – это не просто совокупность индивидуальностей, а единый коллектив, симфония, которая выстраивает уникальную в своём роде идеологическую концепцию общественной солидарности.

Евразийский союз, по Назарбаеву, – проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Согласно этому проекту предполагается формирование «ряда наднациональных органов»:

- Совет глав республик и глав правительств ЕАС – высший орган политического руководства;
- Парламент ЕАС – высший консультативно-совещательный орган Союза;
- Совет министров иностранных дел ЕАС – координация внешнеполитической деятельности;
- Межгосударственный исполнительный комитет – постоянно действующий исполнительно-контролирующий орган;
- Информационное бюро Исполкома ЕАС;
- Совет по вопросам образования, культуры, науки – формирование согласованной политики в этой области.

По сути, шагом в реализации этого проекта стало создание в 2000 году Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Сообщество было образовано по инициативе Нурсултана Назарбаева на основе постепенно формируемого Таможенного союза. Помимо Казахстана, в ЕврАзЭС вошли с самого начала Россия, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. Первоначально главной задачей новой международной организации было формирование режима свободной торговли между вошедшими в нее странами, единого таможенного тарифа и единой

системы нетарифного регулирования. Чрезвычайно важным являлось то обстоятельство, что многие правила и инструкции для взаимодействия участников ЕврАзЭС создавались с учетом опыта и правил уже принятых и проверенных в работе Европейского Союза.

Одним из последних знаменательных событий в продвижении к ЕАС стал Договор о создании единого таможенного пространства, в рамках Таможенного союза между Россией, Беларуссией и Казахстаном с 1 июля 2010 года. Также страны договорились двигаться в направлении единого экономического пространства. Об этом заявил 27 ноября 2009 года президент Беларуссии Александр Лукашенко на открытии заседания Межгоссовета ЕврАзЭС. Он высоко оценил деятельность ЕврАзЭС, которое дало положительный эффект в условиях мирового финансового кризиса.

Неотъемлемой ступенью евразийской интеграции, на которую вступают государства-участницы Евразийского экономического сообщества, является создание Евразийского парламента. Его предпосылкой и концептуальной основой станет формирующийся в настоящее время, Евразийский молодежный парламента, который по своей природе предусматривает увеличение интенсивности межпарламентского диалога и взаимодействия.

Идея Евразийского молодежного парламента направлена на консолидацию нынешнего разрозненного диалога существующего между молодежью евразийского пространства и реформирование его в более содержательное русло. На дискуссионных площадках Евразийского молодежного парламента избранные представители молодежи государств-участниц ЕврАзЭС смогут найти общие и инновационные подходы по широкому спектру проблем и вопросов, возникающих при строительстве Евразийского Союза Государств, тем самым почувствовав свою причастность к политической жизни и интеграционным процессам. Евразийский молодежный парламента станет уникальной и открытой площад-

кой для взаимодействия, отслеживания новых трендов на просторах евразийского пространства, путем всестороннего применения самых современных информационных технологий. Он призван стать межгосударственной некоммерческой международной организацией и быть максимально открытой для молодежи платформой.

Евразийский молодежный парламент предполагает тесную работу и взаимодействие со структурами национальных и наднациональных органов власти стран будущего Евразийского Союза. Но прежде всего Евразийский молодежный парламент будет, открытой инновационной фабрикой мысли, инструментом мягкой силы и народной дипломатии евразийского проекта.

Интеграционные процессы на евразийском пространстве только начали обретать свою реальную силу и динамичность, и молодежь Евразии должна стать одним из главных проводников и вдохновителей этого процесса. Впервые за всю историю Евразии представители молодежи получили возможность принять самое широкое участие в строительстве нового, современного, сильного, демократического наднационального объединения.

Целями Евразийского молодежного парламента являются: популяризация образа Евразийского союза как демократического надгосударственного образования с развитыми традициями парламентаризма, популяризация идеи необходимости создания Евразийского парламента как наднационального органа Евразийского Союза (ЕАС), способствование созданию Евразийского Союза (ЕАС) и формированию его положительного образа, развитие культуры политического плюрализма среди молодежи (навыки ведения дискуссий, дебатов, способности к сотрудничеству и компромиссам), сплочение молодежи разных национальностей, политических убеждений под идеей общеевразийского патриотизма.

Во время рабочего визита в столицу Башкортостана спикера Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации Сергея Нарышкина президент Республики Башкортостан Рустэм Хамитов выступил с инициативой размещения структур будущего Евразийского молодёжного парламента в Уфе, а также инициировал проведение в городе конференций, дискуссий, встреч и обсуждения всего многообразия вопросов евразийского сообщества. На встрече с руководителями молодёжных общественных палат, при советах районов и городов Сергей Нарышкин предложил им уделять большее внимание теме евразийской интеграции. По его словам, президенты России, Белоруссии и Казахстана поставили задачу создать в 2014 году евразийский экономический союз этих стран. «В рамках Таможенного союза уже имеется неплохой опыт унификации нормативной базы, но по мере создания Евразийского экономического союза, то есть к 2014 году, вопросы унификации нормативной базы будут подниматься на более высокий уровень. Для такой работы имеющихся форматов и ресурсов недостаточно. Отсюда вытекает необходимость качественного развития парламентского измерения евразийской интеграции. Это потребует глубокой и кропотливой работы, прежде всего с учетом интересов государств, входящих в будущий Евразийский экономический союз», – отметил Сергей Евгеньевич.

Рустэм Хамитов так же неоднократно подчёркивал необходимость модернизации современного формата работы с молодёжью. «Если во время советской власти был комсомол и другие общественные организации, то сегодня этого нет или этого недостаточно. Поэтому мы все время ищем новые формы взаимодействия, новые формы общения с молодыми людьми», – заявил президент республики. По словам Рустэма Закиевича, молодые люди, участвующие в государственной жизни, формируют будущее во всех смыслах, в том числе и в плане пополнения кадров органов государственной власти.

В связи с этим Рустэм Хамитов предложил сделать столицу Республики Башкортостан центром евразийского молодежного парламентаризма, местом создания структур Евразийского молодежного парламента, проведения форумов и встреч. Также президент РБ попросил спикера Государственной Думы РФ зафиксировать, что Уфа готова к такого рода работе, в том числе и на уровне молодежных парламентов, и на уровне крупных молодежных форумов.

Стартом реализации идеи образования Евразийского молодежного парламента стало учреждение в Республике Башкортостан Евразийского центра – «Самрау», который возглавил советник Президента Республики Башкортостан Рудик Газизович Искужин.

Приоритетные задачи Евразийского центра – «Самрау»: создание единой площадки Евразийского молодежного парламента (реальной и виртуальной), организация диалога между молодежью разных государств, этносов и национальностей евразийского пространства, а также разработка «рекомендаций» в области экономической, социальной, культурной, экологической политики для обсуждения общественностью и органами государственной власти, популяризация методики «мозгового штурма», а также поиск компромисса в вопросах взаимопонимания и правильного изложения трактовки политических процессов.

Ближайшей стратегической целью Евразийского центра – «Самрау» является организация проведения в Уфе саммита молодежных парламентских организаций Евразии, в целях учреждения в городе штаб-квартиры Евразийского молодежного парламента.

В условиях мирового кризиса ускоренная интеграция России, Казахстана и Белоруссии становится вопросом выживания. Через реализуемый формат Таможенного союза – согласование тарифов и снятие таможенных барьеров – интеграционные процессы двигаются в сторону политического союза ЕАС.

Концепция Евразийского Союза позволяет воспринять позитивные стороны процессов глобализации и избежать негативных тенденций современных геополитических реалий. Смысл евразийского проекта заключается в интерпретации глобальных процессов в ограниченном пространственном масштабе общей идентичности народов и государств, связанных культурными, цивилизационными, историческими узами, интегрированными по экономическим параметрам, со сходной социальной системой и «общностью судьбы».

По словам главы региона Рустэма Хамитова, Республика Башкортостан является классической евразийской территорией. Через Башкортостан проходит граница, разделяющая Европу и Азию.

Республика Башкортостан имеет позитивный опыт многовекового добрососедства тюркоязычных и славянских народов, конструктивного диалога ислама и православия, что придаёт общественности республики особую позитивную роль в установлении более тесных связей с зарубежными странами, прежде всего, со странами Центральной Азии.

Интеграция в рамках евразийского пространства, в которой тесно переплетаются экономические сегменты, общая история, культурное наследие, а также традиционные духовные ценности, является приоритетом внешней политики России. В этой связи у Республики Башкортостан особая роль – быть «мостом», связующим звеном между регионами России и странами Центральной Азии. Данная роль республики одобрена решением руководства страны, ведь именно Республика Башкортостан выбрана местом проведения саммитов глав государств ШОС и БРИКС.

Общественная дипломатия Республики Башкортостан является органичной частью общественной дипломатии России. Общественность республики имеет огромный потенциал и все необходимые ресурсы для активизации

институтов общественной дипломатии регионов России в направлении евразийской интеграции.

Республика Башкортостан, наряду с промышленным и экономическим потенциалом, имеет эффективный инструмент общественной дипломатии – своеобразную дефиницию декларируемого «открытого правительства», которую представляет Евразийский центр – «Самрау». Приоритетным направлением Евразийского центра – «Самрау» является укрепление диалога и развитие интеграционного партнёрства с такими странами, как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Белоруссия, Армения и Азербайджан, в частности, укрепление дружбы и сотрудничества молодёжи этих государств в рамках евразийской интеграции.

Литература

Боршоплец К., Чернявский С. Перспективы развития Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана // Вестник аналитики. 2012. № 1 (47). С. 79–87.

Воронков Л.С. О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 98-105.

Глинкина С.П., Зевин Л.З. Евразия в поисках идентичности. М.: Нестор-История, 2011. 256 с.

Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2.

Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: Евразийская сеть политических исследований; ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.

Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 октября.

Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 октября.

Путин В.В. Новый интеграционный проект – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября 2011.

Рустэм Хамитов предложил разместить структуры Евразийского парламента в Уфе // Российская газета. 2012. 28 ноября.

Рустэм Хамитов: «Уфа готова стать центром Евразийского молодежного парламента» [28.11.2012] URL: <http://www.mkset.ru/news/person/17190>

Сергею Нарышкину предложили Уфу для евразийского парламента [28.11.2012]. URL: <http://www.u7a.ru/articles/politics/4332>

Чечевиников А.Л. Гуманитарное сотрудничество в СНГ // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6.

Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001. 479 с.

Д.Г. Михайличенко

**Постмайданный контекст восприятия
российских интеграционных инициатив
в Центральной Азии**

Аннотация. После украинского кризиса евразийская интеграция столкнулась с новыми вызовами и ограничителями. Результативность евразийской интеграции зависит, в том числе, от того, насколько Россия и другие субъекты этого процесса смогут нейтрализовать антиевразийские фобии в общественном сознании республик Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, евразийская интеграция, постсоветское пространство, геополитика.

Текущая геополитическая ситуация в Евразии все чаще определяется экспертами посредством одного персидского слова, означающего открытую площадку. Это слово «майдан». Именно под воздействием событий на Украине конца 2013 – 2014 г. изменилась геополитическая конфигурация в Центральной Азии, а процессы евразийской интеграции столкнулись с новыми, постмайданными, вызовами и ограничителями.

Украинский кризис 2013–2014 гг. вызван попыткой дебуферизации постсоветского пространства со стороны Евросоюза. Запустив в 2009 г. программу «Восточное партнерство», Брюссель, с подачи Польши и Швеции, посредством различных инструментов soft power и прямого геополити-

ческого давления, инициировал кризис государственности на Украине. В результате и без того поляризованное украинское общество окончательно раскололось на сторонников евразийской и европейской интеграции.

Следствием украинского кризиса явилось низложение законно избранного президента Украины В. Януковича и практически полная утрата контроля над Восточной Украиной и Крымом. Жители Крыма, около 68 % населения которого составляют этнические русские, а 12 % – крымские татары, по итогам проведенного референдума 16 марта 2014 г. приняли решение о вхождении в состав Российской Федерации.

Эти события серьезно повлияли на геополитическую ситуацию в Евразии. Аналитики и эксперты в Центральной Азии моментально начали экстраполировать логику событий на Украине на суверенитет республик региона, что, в свою очередь, заставляет по-новому взглянуть на евразийские инициативы Москвы в Центральной Азии.

Российская Федерация имеет много общего с центральноазиатским регионом (история и культура, экономическое сотрудничество, схожие проблемы в секторе безопасности). Этноконфессиональная близость коренных тюркоязычных народов России (татары, башкиры, чуваша, якуты и др.), а также опыт совместного многовекового проживания делают отношения более доверительными.

Тем не менее воссоединение Крыма с Россией поставило в непростое положение руководителей республик Центральной Азии, которые через свои министерства иностранных дел должны были дать официальное видение ситуации.

Туркменистан. Официальный Ашхабад ожидаемо воздержался от каких-либо суждений по поводу событий на Украине. Такая позиция подтверждает верность курсу позитивного нейтралитета и полной незаинтересованности относительно дел других государств, включая соседей.

Такая позиция Ашхабада уже стала частью внешнеполитического ландшафта Евразии и не вызывает ни у кого желания побудить Г. Бердымухамедова изменить свою позицию ввиду полной бесперспективности затеи.

Узбекистан. Наиболее прозападную позицию в крымском вопросе занял Узбекистан. МИД Узбекистана выступил с заявлением, в котором не упоминается референдум в Крыму, но говорится о «территориальной неприкосновенности и политической независимости любого государства». Узбекистан, как отмечается в заявлении, принимая во внимания «вековую близость украинского и русского народов», выступает за «проведение прямых двусторонних переговоров». Довольно осторожное заявление Ташкента свидетельствует, прежде всего, о нежелании вмешиваться в украинские события. Однако в высказывании, пусть косвенно, но всё же прослеживается западное влияние. Вполне возможно, что именно Узбекистан после 2014 г. станет одним из оплотов американского влияния в Центральной Азии.

Таджикистан. Пожалуй, наибольшую дипломатическую искусность проявил МИД Таджикистана. Отказавшись напрямую от оценок итогов крымского референдума, глава таджикского МИД С. Аслов сравнил нынешнюю ситуацию на Украине с гражданской войной в Таджикистане, резко осудив тем самым Майдан.

Киргизия. А вот МИДу Киргизии не удалось избежать намеков на двусмысленность. С одной стороны, официальный Бишкек 11 марта 2014 г. заявил, что президент В. Янукович нелегитимен, а единственным источником власти на Украине является народ. Однако после проведения референдума в Крыму МИД признал его итоги. Несмотря на формальную логичность этих заявлений, они вызвали неоднозначную реакцию.

Казахстан. Казахстан, на который западные политики оказывали больше всего давления, фактически признал результаты крымского референдума. В прессе было много

спекуляций на тему «друзья проверяются в беде». Ряд экспертов отмечал, что после Крыма Россия может оказаться в одиночестве, так как Астана никогда не поддержит решения крымчан о присоединении к России, поскольку это создаст неблагоприятный прецедент и станет угрозой суверенитету самого Казахстана, в ряде районов северной части которого преобладают этнические русские. Однако спекуляции так и остались спекуляциями. Астана, как и Минск, фактически признала итоги крымского референдума, а Н. Назарбаев показал, что является верным сторонником евразийской интеграции и не рассматривает всерьез спекуляции по поводу Северного Казахстана, о которых так долго говорят в западных СМИ.

Позицию руководства всех республик Центральной Азии по событиям на Украине можно считать ожидаемой. Характерно, что все страны, кроме Киргизии, попытались избежать паллиативных решений. Это свидетельствует о том, что в республиках Центральной Азии есть свое, самостоятельное видение процессов, происходящих на Украине.

Однако в общественном сознании республик Центральной Азии украинский кризис породил целый каскад факторов, включая идеологемы и фобии общественного сознания, представляющие угрозу евразийским интеграционным инициативам России в регионе.

1. Идеологема об экспансионистском характере внешней политики России, ориентированной вслед за «аннексией» Крыма на присоединение Северного Казахстана.

2. Политизированное восприятие евразийской интеграции, согласно которому цель В. Путина заключается в агрегации республик Центральной Азии в единое с Россией политическое пространство.

3. Навязывание общественности Казахстана и Киргизии мнения о невыгодном характере экономических и торговых контактов в рамках евразийских интеграционных структур (Таможенный союз, Евразийский экономический союз).

4. Оценки евразийской интеграции как прямой угрозы суверенитету молодых республик Центральной Азии.

5. Зависимость информационного пространства республик Центральной Азии от пророссийских и российских СМИ.

6. Размывание в восприятии молодого поколения граждан республик Центральной Азии позитивного образа победы всех народов Советского Союза во Второй мировой войне.

7. Усиление влияния националистов и русофобов на внутривнутриполитическую жизнь Казахстана и Киргизии.

За постсоветский период в республиках Центральной Азии сформировалась прослойка людей, зарабатывающих на жизнь политикой (эксперты, аналитики, журналисты, руководители некоммерческих организаций и ученые). Эти люди, дабы оправдать свое существование, склонны придавать политизированный подтекст самому широкому спектру явлений. Именно они распространяют в общественном сознании перечисленные и другие идеологемы и фобии, генерация которых происходит, главным образом, на Западе.

Логика евразийской интеграции не ведет к отказу от национальных культур и традиций, но лишь подчеркивает общность в многообразии уникальных идентичностей народов постсоветского пространства – историческую, культурную, хозяйственную. Евразия всегда развивалась как пересечение разных укладов и культур. Именно их взаимодействие, а подчас и противоборство, на протяжении нескольких тысячелетий определяют динамику развития континента.

Как бы ни сложились дальнейшие события на Украине, можно утверждать, что Запад и, прежде всего США добились своей цели на Украине: создали хаос, преодоление которого потребует значительных усилий и времени. Аналогичные процессы могут быть инициированы и в Центральной Азии. В меняющихся геополитических ус-

ловиях США и Евросоюз не имеют возможности предложить республикам Центральной Азии полномасштабный проект развития региона, их действия будут направлены, прежде всего, на нейтрализацию конструктивных инициатив России и Китая в регионе. Характерно, что, с точки зрения геостратегических интересов США, Центральная Азия трактуется как широкое образование, включающее в себя, например, Афганистан. Следовательно, все инициативы США в регионе – не что иное, как попытка создать неуправляемый хаос в Центральной Азии для того, чтобы не дать Москве «собрать» Евразийский союз.

В начале апреля 2014 г. журналист Роджер Бойз из “The Times” опубликовал статью, в которой содержатся рекомендации по «предотвращению воссоздания Москвой Советского Союза». Среди основных пунктов – давление на «Газпром», организация суда над Януковичем, выяснение, не инициированы ли Москвой беспорядки на востоке Украины, а также поиск способов распространения западных информационных источников в данном регионе. Помимо этих рекомендаций есть еще одна. Через “Tony Blair Associates”, сотрудничающую с официальной Астаной, Р. Бойз советует попытаться уговорить Н. Назарбаева выйти из Таможенного союза. Несмотря на то что в статье Р. Бойза содержатся лишь рекомендации, а не излагается постмайданная стратегия действия Брюсселя и Вашингтона в Центральной Азии, этот материал характерен для оценки потенциала западного влияния на постсоветском пространстве.

В сложившейся конфигурации Запад уже не может победить только посредством *soft power*, поэтому раздражение и цинизм политиков из Вашингтона и Брюсселя уже стали тем фоном, на котором проходит борьба за Украину. Западные СМИ всячески пытаются политизировать тему евразийской интеграции, игнорируя, например, тот факт, что Казахстан находится в Таможенном союзе и именно это обстоятельство является гарантом суверенитета госу-

дарства. Любые вмешательства Запада в дела Казахстана могут только способствовать дестабилизации.

Впрочем, можно с уверенностью прогнозировать, что дальше этого Запад не пойдет. В Казахстане США не смогут организовать какую-либо майданную активность. Власть и авторитет Н. Назарбаева очень сильны и несопоставимы с влиянием В. Януковича на внутривнутриполитические процессы на Украине последних лет. А вот другие государства региона, такие, например, как Киргизия и Таджикистан, отнюдь не застрахованы от майданизации.

После майских событий в Одессе, когда украинские националисты заживо сожгли, по меньшей мере, 46 человек, весь мир получил свидетельство их истинных намерений. Самая надежная гарантия не допустить аналогичный сценарий в Центральной Азии – одновременное укрепление государственности и прагматическая интеграция. Чем больше будет авторитет государственной власти в республиках Центральной Азии, тем меньше они будут заинтересованы в заигрывании с ультранационалистами, а прагматичная интеграция позволит развивать экономику в соответствующем ритму глобализации режиме.

В этих условиях Москве важно соблюдать баланс: реализовывать свои интересы через оказание помощи, но не переходить те грани, за которыми оказание помощи будет выглядеть как прямое геополитическое давление¹.

Евразийская интеграция если не неизбежный, то более чем вероятный вектор развития государств Центральной Азии. Ни молодые государства Центральной Азии, ни Российская Федерация не ориентированы на политическое измерение этого процесса, однако агрессивная политика Запада может лишь ускорить и углубить евразийскую интеграцию.

¹ *Наумкин В.В.* Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013. С. 63.

По крайней мере, украинский кризис прямо или косвенно поспособствовал сплочению российского общества. В стране наблюдается подъем патриотизма, национального самосознания, причем не только среди этнических русских, но и других россиян. Крым, как и Россия, – это многонациональное образование, и его присоединение позитивно восприняли, например, в Башкортостане и Татарстане. Те предпочтения, которые Москва предоставляет крымским татарам, позитивно воспринимаются и элитами субъектов Российской Федерации с преобладающим тюркоязычным населением, так как это выступает свидетельством верности выбранного Москвой курса на сохранение культурного плюрализма. Этот факт нуждается в правильном позиционировании именно в республиках Центральной Азии ввиду этнического и культурного родства населения региона и коренных тюркоязычных народов Российской Федерации.

В настоящее время Центральная Азия – это дифференцированный в плане внешнеполитических ориентаций регион, однако ни одна геополитическая сила кроме России не заинтересована в его интеграции. Китай стремится к созданию свободной экономической зоны, США и Евросоюз, не имея возможностей масштабного присутствия в Центральной Азии, не рассматривают регион как самостоятельный и, по сути, занимаются его дезинтеграцией.

Для преодоления эрозии майданизации Центральной Азии Российской Федерации и другим субъектам евразийской интеграции необходимо предпринять ряд конкретных действий, среди которых:

- углубление экономического сотрудничества в рамках Таможенного союза, в том числе и исключение различных изъятий;
- масштабные российские инвестиции в республики Центральной Азии, прежде всего в Киргизию и Таджикистан;
- нейтрализация негативных факторов пребывания в России трудовых мигрантов из Центральной Азии;

- всесторонняя поддержка Россией «русского мира» в республиках Центральной Азии;
- позиционирование в республиках Центральной Азии позитивного опыта Республики Татарстан и Республики Башкортостан как субъектов, тюркское население которых имеет в составе Российской Федерации все условия для развития культурной самобытности и национальной идентичности;
- решительные действия России по поддержанию позитивного образа победителей в Великой Отечественной войне всех народов бывшего СССР, включая меры регулярной материальной поддержки ветеранов войны в государствах Центральной Азии;
- позиционирование в государствах Центральной Азии позитивного образа светской модели государства с акцентом на консервативные ценности как альтернативы и вестернизации, и радикальному исламу;
- меры по усилению значимости экспертного потенциала сторонников евразийской интеграции в информационном пространстве государств Центральной Азии;
- укрепление коллективной безопасности Центральной Азии, в том числе в формате Организации Договора о коллективной безопасности, а также инвестиции в модернизацию сектора безопасности Таджикистана и Киргизии при условии проявления лояльности к России политических институтов этих государств;
- интенсификация академической дипломатии и академической мобильности между вузами России и государств Центральной Азии, в том числе в рамках сетевого Университета Шанхайской организации сотрудничества.

Об авторах

Абен, Даурен, старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 050010, Алматы, просп. Достык, 87 б. E-mail: dauren@gmail.com

Боришполец Ксения Петровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: kpmgimo@gmail.com

Ван Чэньсин, научный ассистент Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета, докторант Института государственного управления Пекинского педагогического университета, научный стажёр Факультета политологии МГИМО (У) МИД России. 100875, Пекин, район Хай Диан, улица ХинДжиКоуВай, 19. E-mail: bbob1027@gmail.com

Изимов Руслан, старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 050010, Алматы, просп. Достык, 87 б. E-mail: iziruslan@mail.ru

Ли Син, доктор исторических наук, профессор директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета, эксперт Центра по изучению современного мира при Министерстве иностранных связей ЦК КПК, член Экспертного совета Всекитайского комитета по тихоокеанскому региональному сотрудничеству (CPRCC) при МИД КНР. 100875, Пекин, район Хай Диан, улица ХинДжиКоуВай, 19. E-mail: bbob1027@gmail.com

Мехдиев Эльнур Таджадинович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: e.mehdiev@gmail.com

Михайличенко Дмитрий Георгиевич, доктор философских наук, эксперт Центра геополитических исследований «Берлэк-Единство» (Уфа). 450077, Уфа, Верхнеторговая пл., 1. E-mail: info@berlek-nkp.com

Сафронов Константин Юрьевич, исполнительный директор Евразийского центра – «Самрау» (Уфа), аналитик Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России. 450098, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Комсомольская, 163/1. E-mail: safronovskiy@yandex.ru

Свириденко Андрей Арьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Уфимского государственного авиационного технического университета. 450000, Уфа, ул. К. Маркса, 12. Уфимский государственный авиационный технический университет, кафедра философии. E-mail: philosugatu@mail.ru

Файзуллин Фаниль Саитович, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан РФ, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета. 450000, Уфа, ул. К. Маркса, 12. Уфимский государственный авиационный технический университет, кафедра философии. E-mail: philosugatu@mail.ru

About the authors

Ksenia Borishpolets, PhD, Professor, MGIMO-University of the MFA of Russia, Institute for International Studies, Centre for Post-Soviet Studies, Senior Research Fellow.

Wang Chenxing, Beijing Normal University, Center for Eurasian Studies, Research Associate. Beijing Normal University, Institute of Public Administration, doctoral candidate. MGIMO-University of the MFA of Russia, Faculty of Political sciences, Research Assistant.

Dayren Aben, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Senior Research Fellow.

Li Xing, History PhD, Professor, Beijing Normal University, Center for Eurasian Studies director. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, Center for the Study of the Modern World, expert. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, National Committee for Pacific Regional Cooperation (CPRCC), member of the Advisory Board.

Elnur Mekhdiev, PhD, MGIMO-University of the MFA of Russia, Institute for International Studies, Center for Post-Soviet Studies, Junior Research Fellow.

Dmitri Mikhailichenko, PhD, Center for Geopolitical Studies «Berlek-Unity», (Ufa, Russia), expert.

Ruslan Izimov, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Senior Research Fellow.

Andrey Sviridenko, PhD, Professor, Ufa State Aviation Technical University Department of Humanities, Head of the Department.

Konstantin Safronov, Eurasian Center – «Samray» (Ufa), executive director. MGIMO-University of the MFA of Russia, Center for Military-Political Studies, political analyst.

Fanil Fayzullin, PhD, Professor, Ufa State Aviation Technical University, Department of Philosophy, Head of the Department.

**Евразийская интеграция:
перспективы межгосударственного
сотрудничества**

Компьютерная верстка – *А.В. Талалаевский*

Дизайн обложки – *К.Г. Шанкин*

Издательство «МГИМО-Университет»

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Тираж 100 экз. Подписано в печать 20 декабря 2014 г.
Заказ №